

НАРИНЭ АБГАРЯН
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН
и другие

Удивительные истории

Любови

Удивительные истории

Александра Романова

**Удивительные истории
о любви (сборник)**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Романова А.

Удивительные истории о любви (сборник) / А. Романова —
«Издательство АСТ», 2019 — (Удивительные истории)

ISBN 978-5-17-114804-1

Здесь не важны жанры – главное, все тексты о любви. И все удивительные. На что вы готовы, чтобы спасти любимых? Чтобы помочь им? А чтобы забыть? Как она выглядит – настоящая любовь? Какие принимает формы? Обычный таксист бросает все и едет в Питер, чтобы спасти незнакомку. Рина хочет выжить в лабиринте, кишашем монстрами. Полагаться можно только на голос в рации. Но приведет он ее к спасению или убьет? Загадочный «Он» много лет охраняет сон девушки и ищет того, кто разбудит ее поцелуем. Энн и Михаил умирают за других. Это тяжело и больно, а они всего лишь хотят поймать короткие минуты счастья вместе. Майя играет в шахматы с судьбой, чтобы помочь любимому. А Константин готов пойти на преступление, чтобы Ольга получила право иметь детей. Удивительные истории. О любви.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-114804-1

© Романова А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Наринэ Абгарян	6
Александр Цыпкин	10
Юлия Мамышева	15
Алиса Юридан	21
Наталья Способина	26
Лидия Королёва	40
Любовь Баринова	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Удивительные истории о любви

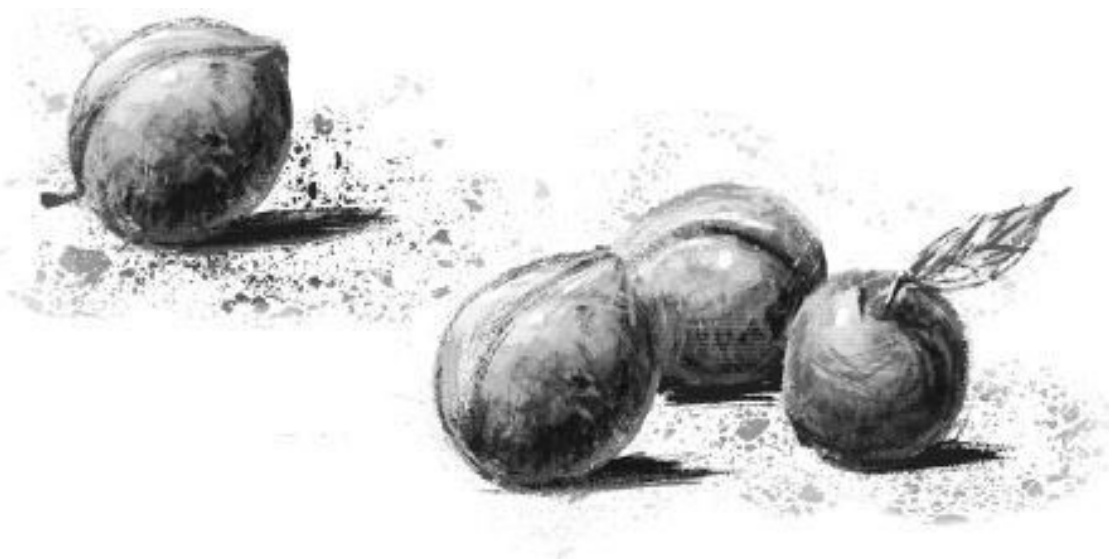
© Авторы, 2019

© Е. Полянина, составление, 2019

© Ева Эллер, обложка, ил., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Наринэ Абгарян Любовь

Аваканц Маро, теребя пуговицу жакета, громко, на весь судебный зал, глотала слюну. За спиной, угнездившись на скрипучей скамье суетливой воробьиной стайей, шушукались ее соседки – Крнатанц Меланья, Василянц Катинка и Макаранц Софа. Иногда, не прерывая шушуканья, Меланья с Софой поворачивались в сторону ответчика и окидывали его осуждающим взглядом. Катинка, чтоб не отрываться от вязания, головы не поворачивала, но каждый раз, когда подруги осуждающе смотрели, сокрушенно цокала языком. Ответчик – высокий, седобородый и неожиданно чернобровый старик – на каждое цоканье дергал плечом и кхекал. Заслышав его кхеканье, Маро громко сглатывала и усерднее теребила пуговицу жакета.

Стенографистка, молоденькая двадцатилетняя девочка (Маро, подслеповато шурясь, попыталась разобрать, чьих она кровей, но потом сдалась – молодежь сейчас так причесывается и красится, что своего от чужого не отличишь), заправляла бумагу в пишущую машинку. Судья, прикрыв глаза, ждал, когда она закончит.

– Я готова, – звонко отрапортовала стенографистка. Судья, поморщившись, открыл глаза. Несмотря на распахнутые окна, в комнате стояла невозможная духота. Октябрь хоть и напустил щедрого разноцветья и подмораживал утреннюю росу, но убавлять полуденную жару не собирался – в обед солнце шпарило так, словно за окном не ополовиненная осень, а самое ее начало.

– Можете продолжать, истица, – разрешил судья.

Маро вцепилась теперь уже обеими руками в пуговицу жакета.

– Извини, сынок... забыла, где остановилась, – повинулась она.

Машинистка с готовностью заглянула в записи. – ...ударил ковшиком, – подсказала она шепотом. Меланья с Софой повернули головы, Катинка цокнула языком, ответчик кхекнул.

– Тишина в зале! – повысил голос судья.

Маро убрала в карман жакета оторванную пуговицу, вцепилась в другую.

– Ну да. Ударил ковшиком. Эмалированным. По голове. В этом ковшике я обычно яйца варю, ну или там пшенку для цыплят... хороший ковшик, неубиваемый. Служит верой и правдой двадцать лет. Я его роняла несколько раз, а ему хоть бы хны. Не погнулся, и даже эмаль не облупилась...

– Не отвлекайтесь, истица.

– Ага. Так вот. Ударил он меня этим ковшиком по голове. Два раза. Потом выгнал из дому на веранду. Там персики сушились, дольками, на подносах. Схватил он один поднос и швырнул в меня. Попал в спину, вот сюда. – Маро погладила себя по пояснице. Вздохнула. – Сухофрукты попортил...

Судья перевел взгляд на ответчика. Тот сидел, сложив на коленях искореженные тяжелым деревенским трудом ладони. Несмотря на почтенный возраст, телосложения он был внушительного: осанистый, с широкими плечами и спиной, длинными руками и крепкими ногами. Лицо у него было открытое и какое-то очень располагающее: выцветшие от возраста желтоватые глаза, глубокие морщины, кривоватый, но красиво слеplенный нос, рыжие подпалины в седой бороде – от табака. «А ведь по благообразному виду и не скажешь, что способен на такое», – подумал судья. Расценив его пристальное, но доброжелательное внимание как поддержку, старик, оживившись, пожал плечами и воздел в недоумевающем жесте указательный палец – дескать, смотри, чего вытворяет! Судья поспешно отвел взгляд и нахмурился.

– Потом он меня спустил с лестницы, – продолжала Маро.

– Как спустил?

– Ну как... За шиворот схватил и ногой поддал. Вот сюда. – Она хотела показать куда, но смутилась.

– Ниже спины, – подсказал судья.

– Ага, ниже спины. Потом он гонял меня по двору метлой, пока я не выбежала на улицу.

Видно, терпение у старика кончилось. Он громко кхекнул и встал. Воробьиная стая на задней скамье сердито зашебаршилась, пальцы машинистки застыли над клавиатурой.

– Значит, я ее метлой не только гонял, но и бил! – уточнил старик. Голос у него оказался прокуренный, с отчетливой хрипотцой, некоторые слова он выговаривал дробно, переводя между слогами дыхание.

Судья выпрямился.

– Ответчик, вам слова не давали!

– Зачем давать, я сам скажу, когда захочу, – оскорбился старик, потоптался на месте, мелко переступая изношенными ботинками, махнул рукой и сел.

– Продолжайте, – разрешил судья истине.

Маро убрала в карман вторую оторванную пуговицу, вцепилась в третью.

– Так вы без пуговиц останетесь, – улыбнулся судья.

– А? А!!! Ничего, потом пришью. Я, когда волнуюсь, часто так... Потому пуговицы пришиваю слабенько, чтобы с мясом не отрывать.

– Кстати, мясо я тебе зубами не рвал? А то мало ли, вдруг рвал! – ржаво поинтересовался старик.

– Ответчик! – повысил голос судья.

Старик махнул на него рукой – да подожди ты, я с женой разговариваю!

– Семьдесят лет, а врешь, как малолетняя дуреха! Тьху! – Он плюнул в сердцах на дощатый пол и старательно растер плевков ботинком.

Судья вскочил с такой поспешностью, что опрокинул стул.

– Если вы сейчас же не прекратите безобразие, я вас оштрафую. Или вообще посажу в тюрьму! На пятнадцать суток!

Старик медленно поднялся со скамьи и хлопнул себя по бокам.

– За что посадишь? За то, что я со своей женой поговорил?

– За неуважение к суду!

Меланья с Софой прервали шушуканье, Катинка отложила вязание и уставились на судью. Маро ойкнула, старик хохотнул.

– Сынок, ты зачем меня тюрьмой пугаешь? (Он произносил «турма».) Ты городской, приехал недавно, в наших порядках еще не разобрался. Начальника тюрьмы Меликанца Цолака

я вот с такого возраста знаю. – Он с усилием нагнулся и провел ребром ладони по своему колену. – Вся жизнь меня Само-дайи¹ называл. Не посадит он меня, хоть тресни. Так что ты это. Прекращай говорить такие слова!

«Интересно, как он жене ногой наподдавал, если еле нагибается», – подумал судья. Он ослабил узел галстука, потом раздраженно сдернул его с шеи и расстегнул ворот рубашки. Сразу стало легче дышать.

– Садитесь, – попросил он ответчика.

Старик опустил на скамью, сложил на коленях ладони, пожевал губами и притих.

– Вы хотите развестись с ним, потому что он вас бьет, так? – обратился судья к Маро.

Старик снова поднялся.

– Сынок, еще одно слово скажу и больше говорить не буду. Позволяешь?

– Говорите, – вздохнул судья.

– Ты посмотри на нее, – старик показал рукой на свою жену, – худая – одни кости, и росту в ней кот заплакал. Разве она похожа на осла? А может, она на барана похожа? Или на свинью?

– Ответчик! – рассердился судья.

– Посмотри на меня и посмотри на нее, – не дрогнул старик, – если бы я ее ударил ковшиком, она бы сейчас тут стояла? Сынок, разреши мне один раз ее ударить. Если не испустит дух – посади. Я с Цолаком договорюсь.

– Я вас точно посажу! – вышел из себя судья.

– Не надо его сажать! – взмолилась Маро. – Сынок, не слушай его, разведи нас и все.

– Не надо его сажать! – заголосила воробыная стая.

У судьи лопнуло терпение.

– Ну-ка, вон отсюда! – взревел он. – Все вон! Все!!!

Воробыная стая поднялась, оскорбленно поджала губы и засемила к выходу. Со спины старушки выглядели совершенно одинаково: длинные, темные шерстяные платья, накинута на плечи жакеты, повязанные на затылке причудливым узлом косынки. «И не жарко им?» – подумал судья.

Следом за воробыной стаей потянулись истица с ответчиком. Истица теребила последнюю пуговицу жакета, истец шаркал изношенными подошвами ботинок.

Когда дверь за ними закрылась, стенографистка сердито отодвинула печатную машинку и тоже направилась к выходу. Коротенькая юбка еле доходила до середины бедра, щиколотки обхватывали тонкие ремешки босоножек, модная стрижка подчеркивала длину шеи. Перед тем как выйти, она обернулась и окинула судью осуждающим взглядом.

– Зачем вы с ними так?

– За дело!

– Ничего вы в наших людях не понимаете!

Судья побарабанил пальцами по столу. Кивнул, соглашаясь.

– Не понимаю.

– Вот и не надо тогда! – отрезала стенографистка и, не объяснив, чего не надо тогда, вышла.

«Уеду я отсюда», – подумал с тоской судья. Он действительно ничего не понимал в этих людях. Зачем им мировой суд, если они его в грош не ставят? Взять хотя бы двух вчерашних теток, не поделивших несущку. Пришли, главное, с курицей, сцепились в зале суда, стали друг у друга несчастную птицу вырывать, та квохчет и гадит от испуга, тетки никак не уймутся... Пришлось выгнать. И сегодняшних пришлось выгнать. Вот ведь странный народ.

¹ Дядя Само (арм.).

Судье давно пора было уходить, но он сидел, положив локти на машинописные листы, и смотрел в окно. Небо, невзирая на почти летнюю жару, было хрипло-синим, надтреснутым. Совсем скоро холода.

Аваканц Маро подняла крышку эмалированного ковшика, удостоверилась, что пшенка сварилась. Отставила в сторону, чтобы дать ей остыть. Накрошит туда круто сваренных яиц, нарежет крапивы, будет цыплятам еда. Петинанц Само, скобля ложкой по дну тарелки, доедал рагу.

– Значит, этой штукой я тебя ударил, да? – хмыкнул он, наблюдая за тем, как жена осторожно убирает с печи эмалированный ковшик. – По голове, главное, ударил. Два раза.

Маро поджала губы. Села напротив и принялась чистить яйца.

– А подносом каким я в тебя кинул? Не тем ли, что на полке стоит? – кивнул он в сторону тяжелого мельхиорового подноса.

Маро подвинула к себе разделочную доску, стала сердито крошить яйца.

– А потом еще метлой тебя по двору гонял. Пока не выбежала на улицу! – не унимался Само.

Маро с раздражением отложила нож.

– А что мне надо было говорить? Что ты, старый дурень, на восьмом десятке головой двинулся и черт-те что вытворяешь?

– А что я такого вытворяю?

Маро не ответила.

Само оторвал кусочек горбушки, протер тарелку, собирая остатки рагу. Съел с видимым удовольствием.

– Еще хочешь? – спросила Маро.

– Нет, сыт уже.

Он откинулся на спинку стула, сложил на груди руки. Хмыкнул.

– Что поделаешь, хочется мне женской ласки! Маро усерднее застучала ножом по разделочной доске. Само наблюдал за ней, растянув в едва заметной улыбке уголки губ.

– Три года ничего не хотелось, прямо выжженное поле. А теперь словно второе дыхание открылось. Вынь да положь! – хохотнул он.

– Я тебе дам «вынь да положь»! – рассердилась Маро. – Разводись, найди себе кого помоложе и кувyrкайся. А я уже все! Откувыркала свое.

Само тяжело встал и смахнул крошки в тарелку. Проходя мимо жены, ущипнул ее за бок. Та ойкнула и пихнула его локтем.

– От старый потаскун!

– Люблю я тебя, дуру, – криво усмехнулся Само и понес ополаскивать тарелку.

Александр Цыпкин Томатный сок Повесть о женщине из другого времени

Я нечасто видел слезы моих друзей. Мальчики ведь плачут в одиночестве или перед девочками (футболисты не в счет, им все можно). При других мальчиках мы плачем редко, и только когда уж совсем плохо.

Тем острее врезались в память слезы моего друга, внезапно появившиеся в его глазах, когда мы ехали в Москву, и я налил себе томатный сок.

Теперь перейдем к изложению сути дела, веселой и поучительной.

В юности у меня было много разных компаний, они переплетались телами или делами, постоянно появлялись и исчезали новые люди. Молодые души жили словно в блендере. Одним из таких друзей, взявшихся ниоткуда, был Семен. Разгильдяй из хорошей ленинградской семьи. То и другое было обязательным условием попадания в наш социум. Не сказать чтобы мы иных «не брали», отнюдь, просто наши пути не пересекались. В 90-е разгильдяи из плохих семей уходили в ОПГ либо просто скользили по пролетарской наклонной, а НЕразгильдяи из хороших семей либо создавали бизнесы, либо скользили по научной наклонной, кстати, чаще всего в том же финансовом направлении, что и пролетарии.

Мы же, этакая позолоченная молодежь, прожигали жизнь, зная, что генетика и семейные запасы never let us down. Семен, надо сказать, пытался что-то делать, работал переводчиком, приторговывал какими-то золотыми изделиями, иногда «бомбил» на отцовской машине. Он был очень старательным, честным и сострадающим, что в те времена едва ли было конкурентным преимуществом. Помню, сколько мы ни занимались извозом, обязательно находились пассажиры, с которыми Сеня разбалтывался и денег потом не брал. И еще он был очень привязан к родне, с которой познакомил и меня. Семьи у нас были похожи.

Молодые родители, тщетно пытавшиеся найти се бя в лихом постсоциализме, и старшее поколение, чья роль вырастала неизмеримо в смутное время распада СССР. Эти стальные люди, родившиеся в России в начале XX века и выжившие в его кровавых водах, стали несущими стенами в каждой семье. Они справедливо считали, что внуков доверять детям нельзя, так как ребенок не может воспитать ребенка. В итоге в семье чаще всего оказывались бабушки/дедушки и два поколения одинаково неразумных детей.

Бабушку Семена звали Лидия Львовна. Есть несущие стены, в которых можно прорубить арку, но об Лидию Львовну затупился бы любой перфоратор. В момент нашей встречи ей было к восьмидесяти, ровесница, так сказать, Октября, презиравшая этот самый Октябрь всей душой, но считавшая ниже своего достоинства и разума с ним бороться. Она была аристократка без аристократических корней, хотя и пролетариат, и крестьянство ее генеалогическое древо обошли. В жилах местами виднелись следы Моисея, о чем Лидия Львовна говорила так: «В любом приличном человеке должна быть еврейская кровь, но не больше, чем булки в котлетах». Она была крепка здоровьем и настолько в здравом уме, что у некоторых это вызывало классовую ненависть.

Час беседы с Лидией Львовной заменял год в университете, с точки зрения знаний энциклопедических, и был бесценен, с точки зрения знания жизни. Чувство собственного достоинства соперничало в ней лишь с тяжестью характера и беспощадностью сарказма. Еще она была весьма состоятельна, проживала одна в двухкомнатной квартире на Рылеева и часто уезжала на дачу, что, безусловно, для нас с Семеном было важнее всего остального. Секс в машине нравился не всем, а секс в хорошей квартире – почти всем. Мы с Семеном секс любили, и он отвечал нам взаимностью, посылая различных барышень для кратко- и средне-срочных отношений. Кроме того, Лидия Львовна всегда была источником пропитания, иногда денег и немногим чаще – хорошего коньяка. Она все понимала и считала сей оброк не больно тягостным, к тому же любила внука, а любить она умела. Это, кстати, не все могут себе позволить. Боятся. Бабушка Лида не боялась ничего. Гордая, независимая, с прекрасным вкусом и безупречными манерами, с ухоженными руками, скромными, но дорогими украшениями, она до сих пор является для меня примером того, какой должна быть женщина в любом возрасте.

Цитатник этой женщины можно было бы издавать, но мы, болваны, запомнили не так много.

«Докторская диссертация в голове не дает право женщине эту голову не мыть». Мы с Семеном соглашались.

«Деньги полезны в старости и вредны в юности». Мы с Семеном не соглашались. «Мужчина не может жить только без той женщины, которая может жить без него». Мы с Семеном не имели четкой позиции.

«Сеня, ты пропал на две недели, этого даже Зоценко себе не позволял» (писатель, я так понимаю, в свое время проявлял к Лидии Львовне интерес).

«Бабушка, а почему ты сама мне не могла позвонить?» – пытался отбояриться Семен.

«Я и Зоценко не навязывалась, а тебе, оболтусу, уж подавно не собираюсь. Тем более у тебя все равно кончатся деньги и ты придешь, но будешь чувствовать себя неблагодарной свиньей. Радость невеликая, но все же».

Семен чуть ли не на руке себе чернилами писал: «позвонить бабушке», но все равно забывал, и его, как и меня, кстати, друзья называли «бабушкозависимый».

«Я знаю, что здесь происходит, когда меня нет, но, если я хоть раз обнаружу этому доказательства, ваш дом свиданий закроется на бесконечное проветривание». Именно у Лидии Львовны я обрел навыки высококлассной уборщицы. Потеря такого будуара была бы для нас катастрофой.

«Значит, так. В этой квартире одновременно может находиться только одна кроличья пара. Моя комната неприкосновенна. И кстати, запомните еще вот что: судя по вашему пове-

дению, в зрелом возрасте у вас будут сложности с верностью. Так вот, спать с любовницей на кровати жены может только вконец опустившийся неудачник. Считайте, что моя кровать – это ваше будущее семейное ложе». Семен при своем полном разгильдяйстве и цинизме защищал бабушкину комнату, как деньги от хулиганов, то есть всеми возможными способами. Эта принципиальность стоила ему дружбы с одним товарищем, но внушила уважение всем оставшимся.

«Сеня, единственное, что ты должен беречь, – это здоровье. Болеть дорого, и, поверь мне, денег у тебя не будет никогда». Бабушка не ошиблась. К сожалению...

«Сеня становится похож лицом на мать, а характером на отца. Лучше бы наоборот». Эту фразу Лидия Львовна произнесла в присутствии обоих родителей Семена. Тетя Лена взглядом проглатывала свекровь насквозь. Дядя Леша флегматично поинтересовался: «А чем тебе Ленкино лицо не нравится?» – и стал разглядывать жену, как будто и правда засомневался. Проезд по его характеру остался незамеченным. «Ленино лицо мне очень нравится, но оно совершенно не идет мужчине, как и твой характер», – Лидия Львовна либо и правда имела в виду то, что сказала, либо пожалела невестку.

«Я с тетей Таней иду в филармонию. С ней будет ее внучка. Прекрасная девушка, ты можешь меня встретить и познакомиться с ней. Мне кажется, она захочет подобрать тебя, когда ты будешь никому не нужен». Внучка тети Тани подобрала другого. И как подобрала!

«Хорошая невестка – бывшая невестка». Вместе со свидетельством о разводе бывшие жены Сениного отца получали уведомление о наконец свалившейся на них любви бывшей уже свекрови.

«Семен, если ты говоришь девушке, что любишь ее, только ради того, чтобы затащить в постель, ты не просто мерзавец, ты малодушный и бездарный мерзавец». Надо сказать, этот урок мы усвоили. Ну, по крайней мере, я – точно. Честность и открытость в помыслах всегда была залогом спокойного сна, быстрого решения противоположной стороны и дружеских отношений в дальнейшем, независимо от наличия эротической составляющей.

«Эх, мальчики... в старости может быть либо плохо, либо очень плохо. Хорошо в старости быть не может...» Впоследствии я встречал немало относительно счастливых пожилых людей и не меньше несчастных молодых. Мне кажется, люди изначально живут в одном возрасте и, когда их личностный возраст совпадает с биологическим, они счастливы. Смотришь на Джаггера – ему всегда двадцать пять. А сколько тридцатилетних, в которых жизненной силы едва на семьдесят? Скучные, брюзжащие, потухшие. Лидия Львовна, как мне кажется, была счастлива лет в тридцать пять – сорок, в том чудном возрасте, когда женщина еще прекрасна, но уже мудра, еще ищет кого-то, но уже может жить одна.

Случилось так, что мне однажды не повезло (точнее, повезло) и я имел счастье общаться с Лидией Львовной в совершенно неожиданных обстоятельствах.

А начиналось все весьма прозаично. Я был отставлен своей пассивностью, пребывал в тоске и лечился загулом. Из всего инструментария, необходимого для этого, постоянно у меня имелось только желание. Однако иногда мне удавалось так впиться в какую-нибудь сокурсницу или подругу сокурсницы, что появлялся повод попросить у Сени ключи от бабушкиных апартаментов. По проверенной информации, Лидия Львовна должна была уехать на дачу. С ключами в кармане и похотью в голове я пригласил девушку якобы в кино. Встретились мы часа за два до сеанса, и мой коварный план был таков: сказать, что бабушка просила зайти проверить, выключила ли она утюг, предложить чаю, а потом неожиданно напасть. С девушкой мы один раз страстно целовались в подъезде, и, судя по реакции на мои уже тогда распутившиеся руки, шансы на победу были велики.

Знакомить подругу со своими родственниками я не собирался, и поэтому представить апартаменты Лидии Львовны квартирой моей собственной бабушки не казалось мне такой уж проблемой. Фотографию Семена я планировал убрать заранее, но, естественно, опоздал и поэтому придумал историю о неслыханной любви бабули к моему другу, совместных каникулах

и до слез трогательной карточке, которую я сам сделал, и поэтому меня на ней нет. Селфи тогда не существовало.

Все шло по плану. Подруга так распереживалась насчет утюга, что я еле успевал бежать за ней. Мне вот интересно, если нас создали по образу и подобию, значит, Бог тоже когда-то был молод и вот так бежал по небу... В общем, лестница была взята штурмом с остановками на поцелуи. Конечно, эти юношеские страхи (а вдруг не согласится) заставляют нас так торопиться, что иногда именно спешка все и разрушает. С губами в губах я стал дрожащими руками пытаться запихать ключ в замочную скважину. Ключ не запихивался. «Хорошее начало», – всплыл в памяти классический каламбур.

– Дай я сама! – Моя любимая женская фраза. Зацелованная девушка нежно вставила ключ, повернула, и... дом взорвался. Точнее, взорвался весь мир.

– Кто там? – спросила Лидия Львовна.

– Это Саша, – ответил из космоса совершенно чужой мне голос.

После этого дверь открылась. Не знаю, что случилось в моих мозгах, но экспромт я выдал занятный:

– Бабуль, привет, а мы зашли проверить утюг, как ты просила.

До сих пор не могу понять, как у меня хватило наглости на такой ход. Знаете, у интеллигенции есть прекрасное понятие: «Неудобно перед...» Объяснить его другой касте невозможно. Речь не о грубости или хамстве в чей-то адрес и даже не об ущемлении интересов. Это какое-то странное переживание, что подумает или почувствует другой человек, если ты сотворишь нечто, что, как тебе кажется, не соответствует его представлениям о мировой гармонии. Очень часто те, перед кем нам неудобно, искренне удивились бы, узнай они о наших метаниях.

Мне было крайне неудобно перед юной подружкой за то, что я привел ее в чужой дом с очевидной целью. И это чувство победило «неудобство» перед Лидией Львовной.

Думала она ровно секунду. Улыбнувшись уголками глаз, «дама» вступила в игру:

– Спасибо, но, видишь ли, я на дачу не поехала – чувствую себя не очень хорошо, проходите, чаю выпьете.

– Знакомьтесь, это... – Со страху я забыл имя девушки. То есть совсем. Такое до сих пор иногда со мной происходит. Я могу неожиданно забыть имя достаточно близкого мне человека. Это ужасно, но именно тогда я придумал выход из столь затруднительного положения.

Я неожиданно полез в карман за телефоном, сделав вид, что мне позвонили.

– Извините, я отвечу, – и, изображая разговор по телефону, стал внимательно слушать, как моя девушка представляется «моей бабушке»:

– Катя.

– Лидия Львовна. Проходите, пожалуйста.

Я тут же закончил псевдоразговор, и мы прошли на кухню. Я бы даже сказал, кухню, тесную и неудобную, с окном, выходящим на стену противоположного дома, но это была, пожалуй, лучшая кухня в Петербурге. У многих вся жизнь похожа на такую кухню, несмотря на наличие пентхаусов и вилл.

– Катя, чай будете?

Лидия Львовна учила ко всем обращаться на «вы», особенно к младшим и к обслуживающему персоналу. Помню ее лекцию:

– Когда-нибудь у тебя будет водитель. Так вот, всегда, я повторяю ВСЕГДА, будь с ним на «вы», даже если он твой ровесник и работает у тебя десять лет. «Вы» – это броня, за которой можно спрятаться от жлобства и хамства. Лидия Львовна достала чашки, поставила их на блюдца, также достала молочник, заварной чайник, серебряные ложки, положила малиновое варенье в хрустальную вазочку. Так Лидия Львовна пила чай всегда. В этом не было надуманности или вычурности. Для нее это было так же естественно, как говорить «здравствуйте», а не «здрасьте», не ходить по дому в халате и посещать врачей, имея при себе небольшой презент.

Катины глаза приняли форму блюдца. Она тут же пошла мыть руки.

– Э-э-эх, Сашка, ты даже имени ее не помнишь... – Лидия Львовна тепло и с какой-то печалью посмотрела на меня.

– Спасибо вам большое... простите, я не знал, что делать.

– Не переживай, я понимаю, ты же воспитанный мальчик, неудобно перед девушкой, она еще молоденькая, должна соблюдать приличия и по чужим квартирам не ходить.

– Имя я случайно забыл, честное слово.

– А что с Ксеньей?

Как я уже сказал, я недавно расстался со своей девушкой. Мы встречались несколько лет и часто бывали в гостях, в том числе у Лидии Львовны.

– Ну, если честно, она меня бросила.

– Жаль, хорошая девушка, хотя я понимала, что все этим кончится.

– Почему? – Ксенью я любил и разрыв переживал достаточно тяжело.

– Понимаешь, ей не очень важны хорошие и даже уникальные качества, составляющие основу твоей личности, а принимать твои недостатки, которые являются обратной стороной этих качеств, – она не готова.

Честно скажу, я тогда не понял, о чем она говорит, и потом еще долго пытался изменить в людях какие-то черты характера, не сознавая, что именно они являются неотъемлемым приданым к восхищавшим меня добродетелям. Вдруг по лицу Лидии Львовны пробежала тревога:

– Сашенька, ты только с Сеньей продолжай дружить, он хороший парень, добрый, но нет в нем ярости, а она должна быть у мужчины, хотя бы иногда. Я очень за него волнуюсь. Присмотришься за ним? У тебя все в жизни получится, а у него нет, пусть хоть друзья достойные рядом будут. Обещаешь?

Я впервые видел какую-то беспомощность во взгляде этой сильнейшей из всех знакомых мне женщин. Самая большая плата за счастье любить кого-то – это неизбежная боль от бессилия помочь. Рано или поздно это обязательно случается.

Катя вернулась из ванной комнаты, мы выпили крепко заваренного чая, поговорили о чем-то и ушли. Через неделю Лидия Львовна умерла во сне. Сенья так и не успел к ней заехать, потому что мы опять куда-то умотали на выходные.

Месяца через два мы поехали с ним в Москву. «Красная стрела», купе, целое приключение для двух оболтусов. В нашу келью заглянул буфетчик, и я попросил к водке, припасенной заранее, томатного сока. Открыл, налил полный стакан и взглянул на Сенью. Он смотрел на мой сок и плакал. Ну, точнее, слезы остановились прямо на краю глаз и вот-вот должны были «прорвать плотину».

– Сенька, что случилось?

– Бабушка. Она всегда просила покупать ей томатный сок.

Сенья отвернулся, потому что мальчики не плачут при мальчиках.

Через несколько минут, когда он вновь посмотрел на меня, это уже был другой Сенья. Совсем другой. Старее и старше. Светлый, но уже не такой яркий. Его лицо было похоже на песок, который только что окатила волна. Бабушка ушла, и он наконец в это поверил, как и в то, что больше никто и никогда не будет любить его так.

Тогда я понял, что, когда умирает близкий человек, мы в одну секунду испытываем боль, равную всему теплу, какое получили от него за бесчисленные мгновения жизни рядом. Некие космические весы выравниваются. И Бог, и физики спокойны.

Юлия Мамышева Как я не стал милонгеро

Если на улице Каминито обогнуть толпу туристов, которые фотографируются с танцорами танго за пять долларов, а потом быстро пройти мимо профессиональных попрошайек, норовящих схватить вас грязными пальцами за рукав («уна монедита!»), то вы выйдете на улицу генерала Хосе Гарибальди. Здесь нужно дотащиться до магазина зеркал, затем повернуть налево – и вы увидите те самые трущобы, куда экскурсоводы не советуют ходить приезжим. Это старый Буэнос – район Ла Бока, с его пошарпанными двухэтажными домишками, расписанными граффити. Теперь поворачивайте в небольшой проулок и идите до улицы Ирала. Вы почти на месте. Осталось свернуть в обшарпанную арку и попасть во внутренний дворик, зажатый серыми низкими хибарами. В одной из них живет сеньор Чема ², к которому я так спешу.

Мне двенадцать. Иногда я специально иду другой, более длинной дорогой, чтобы увидеть, как сушит на балконе свои черные кружевные трусики «бесстыжая» сеньора Андреа. Но сегодня не такой день – я опаздываю.

Я прохожу мимо грязно-желтой стены, на которой висит портрет Марадоны. На нем следы красной помады, потому что какие-то сеньориты расцеловали плакат. Как обычно, шагаю мимо старой раскидистой жакаранды в узлах и трещинах – она старая, такая старая. Я знаю этот маршрут наизусть. Третий месяц я хожу сюда каждый вечер.

Во внутреннем дворике старики в спортивных костюмах подпирают животами круглый стол. Как всегда, они играют в карты, успевая коситься на телевизор, вынесенный прямо на улицу: идет повтор какого-то футбольного матча.

² Чема – уменьшительно-ласкательная форма двойного мужского имени Хосе-Мария.

Увидев меня, сеньор Микаэль бросает игру. На его голове лежит носовой платок, которым он прикрывается от жары. Старик внимательно смотрит на меня, грузно опираясь на палку, которую использует вместо трости, и подзывает широкой ладонью с пальцами, желтыми от дешевого табака.

– Привет, gorgi. – Меня бесит, когда он так меня называет, но я вежливо отвечаю:

– Добрый день, сеньор Микаэль.

– Опять несешь обед старому Чеме?

– Да, сеньор.

– Что сегодня? – он бесцеремонно заглядывает в пакет. – Эмпанадас?

– Да, сеньор, с мятой картошкой. И лазанья.

– Опять эта итальянская лазанья! Ты каждый день носишь ему обеды.

– Да, сеньор.

Старый Микаэль видит не так много новых лиц, ему не хочется меня отпускать. В его зубах зажата сигарета, и он неторопливо роется в карманах в поисках спичек.

– Ты знал, что танго было придумано здесь, в Ла Боке?

– Да сеньор, я это слышал.

– Я знаю Чему еще с тех пор, когда он был пацаном. Он уже тогда танцевал лучше всех. Ему были рады на любой милонге. Он великий танцор, наш старый Чема.

– Да, сеньор.

– Жаль, что с его ногами вышла такая беда.

Я молчу.

– Ему повезло, что социальная служба посылает к нему такого хорошего парня, как ты, маленький gorgi. Ну, ладно, ладно, иди. Передай Чеме, я зайду к нему вечером.

– Да, сеньор.

Около квартиры дона Чемы пахнет сыростью и кошками. Я стучу дважды, прежде чем услышать, как тяжело он шаркает, чтобы открыть дверь.

В квартире, как всегда, тихо – только жужжит вентилятор, перегоняя полуденный зной из угла в угол. Старый ламповый телевизор что-то тускло показывает без звука. Через пыльные шторы пробиваются сонные лучи. На плетеном кресле сбился плед – видно, старый Чема ненароком уснул, пока ждал меня. Здесь уныло, но мне нравится. Давным-давно сеньор Чема был известным милонгером. Сегодня про него никто не помнит, кроме таких же бедных стариков, как и он сам. О его прошлом напоминают только несколько плакатов на блеклых, выгоревших от злого солнца обоях. Я люблю смотреть на эти плакаты. На первом он держит красивую сеньору за талию, а на втором видно, как он прижал ее к себе и положил ладонь ей между лопаток. Он смотрит на нее так, что у меня внутри все волнуется. На третьем плакате – лицо дона Чемы: прямой точеный нос, словно прорисованные яркие губы, черные и холодные глаза. У него длинное, как будто удивленное лицо и взгляд, который покажется вам высокомерным, поэтому даже сейчас он выглядит, как богач-аристократ из сериалов. Но это не так: сеньор Чема беден и одинок. Я, медсестра и еще несколько соседей – единственные, кто бывает в его маленькой квартире.

Он, как всегда, вкладывает мне в руку десять песо и извиняется:

– Говорят, что в правительстве хотят принять новый закон о пенсии. Наверное, скоро я стану совсем нищим и не смогу платить тебе.

– Это не обязательно, мне платит социальная служба, сеньор Чема, – привычно отвечаю я, но беру деньги.

Я не говорю ему, что откладываю каждое сентаво, которое он мне дает, на школу танго. Меня завораживает мир сеньора Чемы: его плавные движения и гордая осанка, расстегнутые на груди рубашки с закатанными рукавами, уверенность настоящего мачо, которую он излучает даже сегодня. Я хочу стать таким же, как и он.

– Опять лазанья? – улыбается он мне и тут же плавно выставляет руку вперед, будто я собираюсь оправдываться. – Нет-нет, я рад. Люблю вашу лазанью. Передай поварихе, что она ангел. Наверняка у нее итальянские корни. Когда-то сюда приезжало много итальянцев. Ты знал это? Ну конечно, ты знал это, ты же умный мальчик.

Он поворачивает голову на старую желто-зеленую фотографию, где с трудом можно угадать тоненький силуэт девушки.

– Она тоже была итальянкой по отцу, – задумчиво говорит он.

– Кто это? – спрашиваю, набравшись смелости. Я давно хочу это спросить.

Сеньор Чема долго думает – слишком, слишком долго! – и наконец отвечает, проведя ладонью по зачесанным назад волосам:

– Это любовь, мальчик. Самая большая любовь на свете.

Когда он говорит, то плавно водит пальцами, подчиняя их известному ему одному ритму. Ноги Чемы не могут танцевать, но пальцы танцуют.

– Это ваша жена? – Я понимаю, что это не так, но все равно задаю этот вопрос.

– Нет, это не моя жена. Мы потеряли друг друга, – он грустно улыбается девушке на фотографии.

– Но когда любишь, нужно жениться и никуда не отпускать!

– Откуда ты это знаешь? – поворачивает он ко мне голову, будто я сказал что-то стоящее.

– Бабушка так говорит.

– Она мудрая женщина, твоя бабушка.

– Так почему вы не поженились, если так любили друг друга? – Я догадываюсь, что веду себя жестоко, но любопытство все пересиливает.

– Мы хотели, видит Бог. Но нас разлучили трижды. Первый раз – толпа, второй – сама жизнь, а третий раз – небо.

Он молчит, попивая свой мате, и я покорно жду, понимая, что продолжение будет.

– Это Паола, мальчик, – объясняет он. – Она была моей двоюродной сестрой.

– Вы вместе росли? – Я уже уселся на старый продавленный диван.

– Нет, я впервые увидел Паолу, когда мне было за двадцать, а ей самой едва исполнилось шестнадцать. Мы познакомились на похоронах ее двоюродной бабки, у которой она жила. Ничего хорошего не будет с теми, кто познакомился на похоронах, – так потом говорила Паола.

– Почему вы не дружили раньше?

– Наши матери были родными сестрами, но они не общались. Тетя Мария была черным пятном нашей семьи. В четырнадцать она сбежала с каким-то итальянцем, и больше мы о ней не слышали. А потом через много лет оказалось, что ее вместе с мужем убили на площади Мая, как и сотни других людей, которые решили поддержать Перрона. Военные самолеты просто расстреляли этих людей. Ты слышал, что первая бомба упала в троллейбус, забитый детьми? Никто не выжил.

Я помню эти дни. Обугленные машины без дверей стояли на площади так долго, что местные сорванцы перестали бояться заходить туда. Так Паола стала сиротой. Пару лет она жила у нашей старой родственницы и, когда та померла, оказалось, что идти ей некуда. Мать забрала ее к нам – мы жили с ней вдвоем здесь, в Ла Боке, в маленькой квартире, похожей на эту.

– Неужели вы полюбили свою сестру?

– Не сразу, малыш, не сразу. Она была очень хорошенькая. Такая маленькая и юркая, как птичка. Мать положила Паолу к себе в комнату, и через открытую дверь мне была видна ее кровать. Каждый день я смотрел, как она в ночной рубашке ложится спать, как сворачивается калачиком, как шевелится от дыхания ее одеяло. Нас окружало горе, голод, инфляция, а в Паоле было столько жизни и страсти. Наш дом сразу стал светлее, когда она там поселилась. А однажды я взял ее с собой на милонгу. Я уже неплохо танцевал к тому времени, меня узнавали

на площадках танго Буэноса. Люди собирались танцевать танго в каждом сквере, в каждом заброшенном уголке. Тогда танго было очень популярно – пока в моду не вошли «Битлз».

Дон Чема шаркает к газовой горелке и тонкой струей льет горячую воду в свой калebas. От запаха мате в комнате становится еще более душно.

– Танцевала Паола из рук вон плохо, – он улыбается, и я понимаю, что ему нравится вспоминать те времена, – когда я обнял ее, у меня закружилась голова от нежности. Я чувствовал, как под моей ладонью шевелятся ее острые лопатки, и мне казалось, будто это ангел поводит крыльями, чтобы развернуть их и взмыть в небо. Она смотрела мне в глаза и крепко прижималась – так крепко, что это было слишком даже для танго. Каждый вечер мы танцевали только друг с другом, и вскоре нас перестали приглашать другие девушки и парни. А однажды мы не пришли домой ночевать.

– Почему? – не понимаю я.

– Потом ты поймешь, – глаза старого Чемы смеются. – Когда мы вернулись утром, мать выплеснула ведро помоев прямо нам в лица. Она кричала, что это позор для всей семьи. Мать говорила правду: брату и сестре нельзя быть вместе. Но что мы могли с этим сделать? Сил сопротивляться не оставалось. А когда мама вышла к соседке, Паола попросила: «Давай убежим». Она была такая смелая, такая решительная! Мы собрались за минуту – у нас не было вещей, да они нам и не были нужны. Держась за руки, добежали до вокзала. Моих накоплений едва хватило на два билета на ближайший поезд по трансандинской дороге, до Сантьяго. Паола вошла в вагон первой, а я решил добежать до табачного киоска. Никогда себе не прощу этого. На вокзальной площади началась забастовка. Все тогда бастовали, каждый день, каждую неделю. Цены росли, а зарплаты не платили. Правительство пустило американцев забирать нашу нефть.

За секунду площадь стала пестрой из-за океана людей. Толпа понесла меня, как волна, все дальше и дальше от поезда. Я пытался бежать назад, но пробовал ли ты плыть против волн во время шторма? Бесполезно. Четыре миллиона человек той осенью бастовали против генерала Арамбуру. Да, мальчик, это не шутки. Я видел, как трогается наш состав, но толпа несла меня в другую сторону. Люди на площади искали счастья для себя, но разрушили наши жизни.

– Но почему же вы не стали искать ее?!

– Ты ошибаешься, маленький птенчик. На милонгах не принято делать шаги назад, только вперед. Мне нужно было найти мою Паолу. Денег, чтобы ездить по стране, у меня не было. И тогда я пришел в первый попавшийся танго-театр. «Возьмите меня с собой», – попросил я. Тогда такие ансамбли были не редкостью, они переезжали из города в город, давали представления, иногда – учили танго других. Меня приняли сразу же. Так я стал милонгеро. В те времена люди любили танго – пока популярными не стали эти «Битлз». Эта поп-музыка, она разлучает людей, я тебе верно говорю. Она разбивает объятия.

– И вы никогда не виделись?

– Только наполовину: я увидел ее, а она меня нет. Я встретил ее случайно на рынке в Сантьяго – она все же добралась туда, моя храбрая девочка. Наш театр тогда переживал тяжелые времена, и мы перебивались с хлеба на воду. Не могу рассказать тебе, что я почувствовал, когда увидел ее. Я не мог дышать, говорить, только смотрел, как она покупает апельсины. А потом к ней подошел маленький мальчик. Он взял ее за руку, он называл ее мамой. Такой маленький, милый мальчик, похожий на тебя. Я понял, что у нее семья и дети. Было ли у меня право рушить все это из-за влюбленных клятв? Мне не осталось места в ее жизни. Кем я был? Всего лишь позабытым милонгеро, у которого не всегда был кусок хлеба. Такая девушка, как Паола, была достойна лучшего. В тот день мое сердце рассыпалось, как пепел, а душа была в смятении. Я не знал, что делать, я метался каждый день, как тигр в клетке. Прошло еще несколько лет, наш театр снова стал известен, а мое лицо вновь начало появляться на афишах. Однажды я выпил и решил, что должен поговорить с моей Паолой. Я купил билет на самолет до

Сантьяго, но мы не долетели. Ты наверняка слышал про эту авиакатастрофу, мой милый мальчик. При посадке пилот задел землю крылом, случился взрыв. Из тридцати человек выжили только двое – я и еще одна девчушка. Это божье благословение, говорили все. Нас даже снимало телевидение. Но мои ноги были переломаны. Так я стал калекой. Со временем я научился заново ходить, но не танцевать. Я вернулся в Ла Боку и поселился здесь. Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал мою Паолу. Я больше не полюбил ни одну женщину, никогда не был женат и превратился в того одинокого старика, с которым ты сейчас говоришь.

Он молчит, и я вижу, что в его глазах сверкают слезы, и плачу вместе с ним. Я понимаю, что мне пора, хотя мне и не хочется уходить. На прощанье я обнимаю его и целую в обе щеки. Мне нужно сказать ему что-то важное и хорошее, но у меня не получается. Мы расстаемся молча и чуть смущенно.

Обратно я бегу так быстро, что сердце стучит где-то в горле, а щеки пылают алыми пятнами.

– Он помнит тебя, – кричу я с порога, – он не забыл! Все эти годы он тоже искал тебя.

Навстречу ко мне выходит моя бабушка Паола. Она невысокая, по-прежнему стройная и быстрая. Ее темные глаза смотрят внимательно, через несколько седых локонов, которые выбились на лицо. Волосы ее такие же густые, как на фотографии в квартире дон Чемы. Бабуле немало лет, но она молода и красива, и я готов разбить нос каждому, кто скажет, что это не так.

– Ты рассказал ему? – В ее глазах паника. – Он знает, что мы здесь?

– Нет, нет, – нетерпеливо машу рукой я. – Все это должна сказать ему ты!

Бабушка Паола успокаивается и слишком спокойно спрашивает:

– Так о чем вы болтали?

Кого она хочет обмануть этим безразличием?

– Он помнит тебя, он любит тебя, – тараторю я, задыхаясь. – Он всегда любил тебя. Он сказал, что стал мелонгери ради тебя. Чтобы ездить по стране и искать тебя в разных городах.

– Чема всегда танцевал танго лучше всех, – кивает она, соглашаясь. – Я рассказывала, что, когда он вел, на его рубашке со спины не было ни одной морщинки?

– Да-да, рассказывала, сто раз рассказывала, – отмахиваюсь я и продолжаю: – Он видел тебя в Сантьяго с отцом и решил, что ты вышла замуж и начала новую жизнь. Он даже не догадывается, что мой папа – это его сын.

Я ликую. Меня наполняет чистая детская эйфория, которую так легко принять за счастье.

– А потом он попал в авиакатастрофу и вернулся в Ла Боку. Он не хотел, чтобы ты видела его калекой. Но слава Богу, ты смотрела передачу, в которой его показывали, и сама приехала к нему.

– Это так на него похоже, – бабуля ласково ворчит. – Подумать только, он решил, что я изменила ему и вышла за кого-то другого. Завтра я приготовлю ему что-нибудь особенное.

– Ну уж нет, хватит, – я топаю ногой. – Мы нашли его уже два месяца назад, а ты все еще прячешься. Вы должны увидеться. Вы должны жить вместе!

– Ну что ты такое говоришь, – бабуля беспомощно разводит руками. – Он помнит темно-волосую красотку, а не дряхлую развалину, в которую я превратилась. Он будет разочарован, увидев меня. Мое бедное сердце этого не выдержит.

– Ты самая молодая и красивая, – говорю я ей. – Сколько можно ждать! За всю жизнь он не полюбил ни одну женщину, кроме тебя! Никогда не был женат! Дон Чема должен знать, что и ты всегда ждала только его. Он должен знать, что уже два месяца ты во всем себе отказываешь, чтобы готовить ему свежие обеды. Он должен знать, что у него был сын, который погиб в аварии. Он должен знать, что у него есть я! – Я кричу, но не замечаю этого. – Вы – мои бабушка и дедушка, и вы единственные, кто у меня остался. Вы должны быть вместе, мы должны стать семьей, – рыдания душат меня, я не могу продолжать.

– Хорошо, хорошо, – бабушка ласково гладит меня по спине, – успокойся, птенчик.

– А еще он сказал, что на милонгах не принято делать шаги назад. Понимаешь? – шмыгаю я носом, смущаясь своих слез.

– Ты прав, – соглашается она, – завтра же я пойду к сеньоре Флоренсии, чтобы она меня подстригла и уложила волосы так, как носят сегодня. Я хочу выглядеть модно. Боже, интересно, что он скажет, узнав о нас?

– Он будет счастлив, бабуля.

Но мы так и не узнали, что сказал бы сеньор Чема. Утром следующего дня, когда бабушка болтала в парикмахерском салоне со сплетницей Флоренсией, дон Чема умер один в своем кресле, от кровоизлияния в мозг.

Народа на похоронах собралось совсем немного: старики-соседи, вечно обсуждающие футбол, моя бабушка со своей красивой прической и я. Бабуля, не отрываясь, смотрела в гроб и что-то шептала, будто жаловалась Чеме на несправедливость. Она была где-то далеко-далеко, и, когда с ней заговорил сеньор Мануэль, вздрогнула.

– Простите, сеньора, – приподнял шляпу дон Мануэль. – Слишком хороший день для похорон, правда.

– У Чемы не могло быть иначе, – ответила она не слишком охотно: ей было не до досужих бесед.

– Сеньора, я живу по соседству с Чемой уже десять лет, но никогда не видел вас. Я бы непременно запомнил такую достойную донну, как вы, – кажется, сеньор Мануэль флиртует с моей бабулей. – В последние годы он был совсем один. Так кем вы приходитесь бедняге?

Бабуля не знает, что ответить. Она смущается и теребит кисти накинутаго на плечи платка. Пауза затягивается, и тогда ситуацию в свои руки беру я.

– Это жена сеньора Чемы, – говорю я с гордостью и едва заметно подмигиваю бабушке.

– Жена? Ты что-то путаешь, маленький gordi. Этот пройдоха Чема был женат четыре раза, и ни одна из его бывших жен не захотела приехать. Я сам звонил каждой. Слышал бы ты, что говорила о нем его последняя жена, донна Августина.

Крыла последними словами! Неудивительно: он спутался с ее племянницей, кобель этакий. – Сеньор Мануэль беззвучно хохочет, широко открыв рот, и я вижу, сколько зубов у него не достает.

– Он все твердил, что без любви не может танцевать, а танцевал он так, что вся Ла Бока собиралась на его представления. Тот еще был бабник, – продолжает он, не обращая внимания на мой ненавидящий взгляд. – На том и погорел. Как-то муж одной из подружек переломал ему ноги железным прутком. Здоровый был такой мужик. Когда-то работал пилотом, пока не выгнали за пьянку. Мы так и звали его «Авиакатастрофа». После этого случая Чема и перестал танцевать танго. Так кто вы ему, сеньора? – спрашивает он, размазав пальцем под глазами слезы, выступившие от смеха.

– Только сестра, – тихо отвечает бабуля. Она гладит белую щеку покойника и медленно, прикрыв глаза, целует его в губы – это их первый поцелуй за пятьдесят лет. На мертвом лице Чемы остаются капли ее слез.

Сгорбившись, бабушка медленно уходит прочь – и я вдруг вижу, какая она старая.

На следующий день я сжег деньги сеньора Чемы и больше никогда не приходил в школу танго.

Алиса Юридан Ориентир

Черная коробка, притягивающая взгляд вопиющим контрастом с белой столешницей, слегка гудела.

Что в ней? Крышка обтянута бархатом, так и хочется протянуть руку и погладить, но когда он делает шаг к столу, гудение усиливается, заставляя остановиться. Почему оно стало звучать угрожающе? Да и коробка ли это гудит?

Скрипнули половицы – совсем рядом, за спиной, – и он обернулся бы, если бы страх не сковал, в секунду разлившись по телу. Снова скрип – почти ласково, «ну же, обернись», – и нервы не выдерживают, толкают его вперед, к этой чертовой коробке, из-за которой он вовсе не намерен умирать. По крайней мере не прямо сейчас.

«Помни, ты обещал», – слышит он знакомый голос, но не сразу позволяет себе узнать его, не сразу решается признать то, что понял с первого мгновения. На несколько секунд он тонет в ледяной воде, чувствуя, как придержанное воспоминание, словно вертлявый скользкий кусок мыла, в отместку вырывается от него, растворяется в комнате, не дает ему вынырнуть из холодного мрака.

А потом он сдается и вспоминает – в ту же секунду, как пальцы его касаются бархатной крышки коробки. Это она. Конечно, это она. Ее голос, ее мягкие интонации. Та, которой больше нет. Та, из-за кого он сейчас здесь. Та, что сказала ему: «Ты найдешь в ней именно то, чего желаешь больше всего на свете». Та, что рассказала ему об этой комнате и этой коробке, открыв которую, одни увидят все, а другие – ничто. Рассказала, полностью изменив его судьбу, и навсегда оставила его, освободившись от бремени, которое несла всю жизнь и всю жизнь подсчитывала понесенные вместе с ним потери.

Он резко оборачивается, но, кроме него, в комнате никого нет. Может быть, и не только в комнате – во всей Вселенной лишь он и эта чертова коробка. Он снимает крышку – та поддается легко, даже слишком, – и смотрит на алый шелк, выстилающий дно. Гудение прекращается. Все и ничто. Разочарование током бежит по пальцам, все еще держащим крышку. Разочарование – и страх. Что-то не так.

Коробка пуста.

Что-то очень сильно не так.

Что бы она сделала на его месте? Если бы обнаружила эту тупую, ошеломляющую пустоту вместо ожиданий? Впрочем, она бы ее и не открыла, эту проклятую коробку. Она бы сдержалась. Ему тоже следовало бы, только уже поздно. Слишком поздно, потому что он действительно намерен нарушить данную ей клятву. Он не такой сильный, как она.

Он не Милена.

Момент их знакомства навсегда отпечатался в его памяти. Как он вошел в комнату и увидел ее – чистую, неземную красоту в белоснежном платье, сияющем ослепительным светом. Кроме него, этот свет почему-то никто не видел, зато его сердце чуть не остановилось от внезапно нахлынувшего чувства, названия которому он еще не знал. Он понял, что единственный его шанс как-то жить дальше – это подойти к ней. Сейчас-то он знал, что у него не было выбора. Любовь никогда не дает выбора. Но тогда он просто шагнул к ней, зачем-то протягивая ей на ладони самое дорогое, что у него было, – его радужный сферический талисман, силу и красоту которого тоже никто, кроме него, не видел, называя его просто симпатичным стеклянным шариком. Этот талисман до сих пор с ним, цел и невредим, несмотря на все, что им пришлось пережить. Милена оценила шаг и улыбнулась ему. Он до сих пор помнил эту улыбку – тогда еще светлую, легкую, еще почти не тронутую грядущей печалью, не носящую печать бремени.

Это было почти двадцать лет назад. Ему было семь, ей – шесть, но уже тогда казалось, что она пережила не одно поколение. Было что-то в ее глазах, в ее улыбке – вскоре почти всегда усталой, – в том, как она спустя годы просыпалась рядом с ним. Что-то, что он никогда бы не смог постичь. Никто не смог бы. Что-то, что почти двадцать лет удерживало его на краю – и эти двадцать лет, в которых он любил и убивал, в которых любили и пытались убить его, в которых были и боль, и радость, и страх, и мудрость, и предательство, и сила, и слабость, и вера, – эти двадцать лет только и нужны были для того, чтобы привести его сюда. Чтобы он сделал то, что не смогла она и за что она себя так и не простила. Чтобы он спас их. Всех их.

Но разве может быть спасение в пустоте?

Он вцепился в алый шелк, оказавшийся враждебно холодным и скользким, и начал отди-
рать его от коробки.

Такими же скользкими были его ладони, обогранные ее кровью, только та была горячей. Обжигающей. Застилающей все вокруг. Они могли бы этого избежать...

– Как тебя зовут? – спросил он тогда, бесконечно давно, не в силах сдержать расползающуюся по лицу улыбку. В той детской комнате, ставшей первой из утомительной череды. Если бы он знал, что все закончится ее кровью на его руках, не спросил бы. Ни за что не спросил бы.

– Милена, – ответила она, и он вздрогнул: голос прозвучал около уха так четко, как точно не мог прозвучать двадцать лет спустя. Вздрогнул и разозлился – не время сейчас предаваться воспоминаниям. Очень скоро у него будет целая вечность для этого, только для этого и ни для чего больше. Если, конечно, ему удастся сделать то, ради чего он здесь.

Коробка утверждала обратное. На самом ее дне, под шелком, который теперь лоскутами висел в его руках, лежал ключ. Именно такой, каким он его и представлял, да при этом еще и красивый: медный, с дерзким рубином, дышащий древностью. Именно такой – и это значит, что коробка уже проникла в его сознание и в его ожидания, уже играет на его поле столь же уверенно, как и на своем, а значит, шансов на победу у него немного.

Он отбросил обрывки шелка и взял ключ в руку. Тепло жизни, исходящее от рубина и передающееся меди, согрело холодную ладонь.

Эта коробка – чудо природы. Проклятие природы. Ее подарок и ее насмешка.

Черная коробка исполняла самые сокровенные желания. Только загадай – и пожинай плоды. Чего же он хотел? Если отбросить то, ради чего он на самом деле здесь, чего хотел он сам?

Хоть сейчас это и не имеет никакого значения, он хотел бы не стремиться к этой коробке почти всю свою жизнь. Хотел бы никогда о ней не знать. Хотел бы жить с Миленой нормальной, заурядной жизнью, ссориться из-за бытовых мелочей, а не из-за изъязнов в планах отступления после очередной неудачи, очередной пустой комнаты без коробки. Коробка любила их обманывать и делала это весьма умело. Восемьдесят пять. Именно столько потенциально подходящих комнат они нашли, и ни одна из них не оказалась той самой. Восемьдесят шестая забрала жизнь Милены и навсегда отложила в памяти ее теплой кровью на руках и его абсолютной неспособностью что-нибудь с этим сделать. Восемьдесят седьмая оказалась пустышкой.

И вот она, восемьдесят восьмая, та самая, столь желанная и столь недостижимая, словно насмехающаяся над ним. Всего одна комната отделяла Милену от долгожданного освобождения – не столь радикального, какое ей в итоге выпало. Всего одну комнату ему пришлось пережить в одиночку. Это казалось ему непоправимо несправедливым.

Он взвесил тяжелый ключ в руке. Рубин гипнотизировал и манил сдаться, сделать то, что он хочет, а не то, что должен. Он знал, что коробка будет сопротивляться. Будет подсовывать ему все, чтобы отвлечь его внимание на то, что ему так желанно. Не даст себя уничтожить – а ведь именно за этим он здесь.

Все, с чем он столкнулся, узнав тайну Милены и коробки, комнаты и желаний, все, чего он даже не мог себе представить, что было за гранью его представлений о реальности, все это – и всех *их* – нужно было уничтожить. Единственной целью Милены было разрушить порочный круг, в котором страждущие бесконечно и упорно ищут эту чертову коробку, надеясь, что она им поможет, ищут, сметая все и вся на своем пути, жертвуя, убивая, предавая и подавая пример другим, подпитывая тем самым силы, рожденные коробкой, охраняющие ее, наслаждающиеся бесполезным сопротивлением – и удивляющиеся бесконечной надежде этих алчных представителей чуждой им реальности. Упорных, ничему не учащих, считающих, что им-то, конечно, повезет, в отличие от других, не замечающих, что желание во что бы то ни стало найти коробку давно уже перешло в разряд навязчивых идей. Глупых и отчаянных. Людей.

Милену с детства знала, что единственный выход – уничтожить коробку, и тогда весь этот мрак, поглощающий одного за другим и никогда ничего не дающий взамен, рассеется. Будут другие комнаты и другие коробки. Но не здесь. Не в их реальности. Людям нельзя давать такой ориентир, подминающий их под себя, начисто сметающий их представления о нормальной жизни, затопляющий тьмой все их мысли и в конце концов их потопляющий. Они должны уничтожить коробку, пока та не уничтожила их.

Они – это он и Милену. Больше никто планов Милены не разделял, потому что она о них не распространялась. Слишком опасно. В глазах других они были очередной отчаянной парочкой, ищущих коробку, чтобы загадать ей свои (наверняка примитивные) желания. Если бы кто-то узнал, ради чего они на самом деле почти двадцать лет покоряют комнату за комнатой, оставляя в них часть себя и не получая за это ничего, кроме шепота в голове, по ночам уговаривающего их сдаться, – этот кто-то только усугубил бы положение. Ему с Миленой пришлось бы бороться еще и с ними.

Он всегда хотел узнать какую-нибудь тайну. Все детство об этом мечтал, и в итоге дождался своего. Но тайна оказалась сильнее него. Поглотила его, как и Милену. Не оставила им выбора. Только Милену несла ее в себе дальше. Погрузилась в нее раньше и глубже. И достигла вместе с ней дна. Поэтому он сейчас один.

И должен сделать то, что обещал.

«Если любишь меня, – сказала она, умирая на его руках в восемьдесят шестой комнате, – поклянись, что найдешь и уничтожишь ее». Он любил и поклялся. Он верил, что сможет. Обязан был. Милену не должна была погибнуть напрасно. И теперь он здесь. Но сейчас...

Сейчас меньше всего на свете ему хотелось исполнить свое обещание. Уничтожить эту коробку навсегда. Милену бы не колебалась. Милену была в нем уверена. Неужели он ее

подведет? Ему нужно просто озвучить то, что не может сейчас сказать она. Только потому что мертва. Он уже открывает рот, чтобы загадать самоубийственное для коробки желание – последнее, которое она исполнит, – но слова никак не приходят. Вместо них только горечь на языке и скорбь, которую он уже не в силах выносить, чувствовать так остро, словно его сердце ежедневно полосуют ножом – с каждым разом все глубже. Он хотел бы, чтобы она сжалась и прикончила его, но Милена не намеревалась его отпускать.

Хотел бы не чувствовать – ничего. Ни боли, ни разочарований, ни сожалений, ни обжигающей вины, ни горечи поражения. Ничего из того, что сопровождает его многие годы. А еще лучше – вообще ничего. Он слишком устал. Из золотой монеты, какой сиял, познакомившись с Миленой и разделяя с ней жизнь, постепенно выцвел и превратился в ржавый медный грош. Хотел бы не знать никаких коробок и никаких тайн, алым рубином сияющих в его сознании, как опасная путеводная звезда, заслоняющая собой все остальное.

Но больше всего он хотел вернуть Милену к жизни. После восьмидесяти шестой он не раз представлял, как просит у коробки именно это, и как открывает дверь тяжелым ключом, а за дверью – Милена, живая, невредимая и бесконечно одинокая, и он крепко обнимает ее, забирает ее с собой, спасает ее.

Коробка знала. Знать такие вещи – ее работа. Именно поэтому в его руке сейчас лежал ключ. Именно поэтому там, в стене, была дверь, к которой ключ обязательно подойдет. И за которой...

Он сможет ее уговорить. Сможет заставить понять, что нужно думать о себе, о них, которым так не много отмерено, а не обо всех остальных, которые никогда не оценят столь высоких стремлений. Если уговорить не удастся – что ж, они будут пробовать снова и снова. И у них получится. Он не отступит, пока Милена будет рядом с ним. И он никогда не допустит того, что произошло в восьмидесяти шестой комнате. Не потеряет ее снова. Ни за что.

Он знал, что любит Милену сильнее, чем она его. Что она никогда бы не упустила возможность уничтожить свою проклятую коробку, стой на кону хоть десять его жизней. Для нее он был больше напарником в поисках, чем любимым или любовником. Но это было не важно. Для него она была единственной. И должна снова ею стать.

Это его решение. Не коробки. Не комнаты. Не *их* – тех, чье присутствие он ощущает кожей. Только его. Милена считала коробку неверным ориентиром, который нужно уничтожить, но на самом деле ориентир только один. Единственно верный. И если ты когда-то нашел его, ты поймешь, что важнее нет ничего. Особенно остро почувствуешь это, когда его потеряешь. Он должен вернуть свой ориентир. Разве может быть что-то важнее? Конечно, нет. Ничего не может быть важнее любви. Он сбился с пути, и ему нужна помощь. Ему нужна Милена. Живая и невредимая. Она должна жить. На всех остальных и особенно на коробку ему плевать, если она вернет ему любимую.

Он громко озвучивает это свое сокровенное желание и накрывает коробку бархатной крышкой, чтобы не видеть растерзанного алого шелка, все еще почему-то напоминающего ему кровь Милены, чтобы не отвлекаться на мысли о своем обещании и на доводы, которые он уже начал сам себе приводить – как за, так и против. Против почему-то больше. Наверное, где-то в глубине его протестует Милена, часть души которой навсегда в нем. Протесты прекращаются ровно в тот момент, когда крышка накрывает коробку. Все в этот момент прекращается – он словно оказывается в вакууме. Ненадолго, но достаточно, чтобы до боли сжать ключ в руке, так сильно, что на ладони остался отпечаток. Он выдыхает и подходит к двери. Вставляет ключ в замочную скважину и поворачивает. Сердце его готово разорваться.

Он открывает дверь и видит ее – самую красивую девочку в комнате. На ней черное платье, притягивающее его взгляд, почти засасывающее его в черную дыру. Хотя дело, конечно, не в платье – дело в ней. Он просто обязан к ней подойти.

Он сжимает в кармане маленький разноцветный стеклянный шарик, повсюду его сопровождающий и приносящий ему удачу, охраняющий от невзгод и просто поднимающий настроение – он ведь, как-никак, не из нашей Вселенной. По крайней мере ему нравится так думать. Придумывает, что скажет. Представляет, как достанет шарик и покажет ей, и она, конечно, не устоит перед ним, и завяжется разговор... И он и правда достает свой талисман из кармана и сжимает его в руке, готовый сделать шаг девочке навстречу.

В этот момент девочка поворачивает к нему голову, и все внутри у него замирает от какого-то нового, непривычного чувства. Он чувствует, что у нее есть какая-то тайна. Если они подружатся, может, она ему даже расскажет. Он улыбается ей от всей души.

Но она не улыбается в ответ. Она смотрит на него своими темными глазами так разочарованно, что в нем что-то обрывается. Смотрит на него так, словно он ее предал. И он понятия не имеет почему. Взгляд ее холоден, безжалостен и в то же время очень горек. Он буквально чувствует во рту горький привкус, и ладонь его невольно разжимается. Шарик падает на пол, разбивается вдребезги радужными брызгами. Она отворачивается.

Он смотрит на разноцветную лужицу красок, растекшуюся по полу, смешанную со стеклянной крошкой. Все, что осталось от талисмана его судьбы. Потом поднимает голову. Смотрит на профиль девочки в черном платье. Смотрит, как какой-то мальчуган в отутюженной футболке протягивает ей конфету, а она улыбается в ответ.

Смотрит – и не чувствует ничего.

Наталья Способина Голос в лабиринте

– Ну все, иди, пока связь есть, – Тим, седой грузный мужчина, поправил наушник.

Рина отрывисто кивнула и развернулась к небольшому лазу в стене, сложенной из громадных камней. Здесь начинался вход в лабиринт.

У Рины были карта, связь с Тимом и мизерный шанс выжить. Она глубоко вздохнула и оглядела лаз, примериваясь, за что бы ухватиться. Тим за спиной кашлянул, и этот звук с опозданием прошуршал в ее наушнике. Рина не выдержала: резко развернувшись, бросилась мужчине на шею. Слезы все-таки потекли, хотя она обещала себе не плакать.

– Развела сырость, – пробормотал тот, неловко похлопал ее по плечу и отцепил от себя. – Пошла уже!

– Тим, вы же умрете здесь все!

– Ты тоже умрешь, если не поторопишься, – рыкнул Тим, и глаза под кустистыми бровями зло сверкнули. – Ты должна оказаться на отметке до темноты, иначе сдохнешь еще раньше нас, да так, что врагу не пожелаешь.

Рина невольно вздрогнула, осознав, что Тим прекрасно понимает призрачность ее шансов, оттого и злится, – он сделал все, что мог, но этого, скорее всего, окажется мало.

Рина вытерла слезы и застегнула молнию на кожаном жилете, карманы которого были забиты тем, что могло пригодиться в лабиринте.

– Иди, Рина, – теперь голос Тима звучал мягче. – Это твой единственный шанс.

Он с непривычной отеческой нежностью заправил ей за ухо торчавшую из-под кепки прядь рыжих волос.

Рина в последний раз окинула Тима взглядом и, вскарабкавшись по камням, протиснулась в узкий лаз.

– Привет, Рина, – тут же ожил ее наушник. – Как слышно? Прием.

– Привет, Тим, – Рина постаралась, чтобы ее голос звучал бодро. – Слышно паршиво. Прием. Связь вправду была паршивой, несмотря на то что микроскопический наушник в ее ухе был недавней разработкой. Тим оставил себе старую гарнитуру, зная, что ее наушник очень скоро выйдет из строя, если она не уйдет из зоны магнитного поля, а вот его еще какое-то время продержится, давая ей шанс выжить.

Лабиринт встретил ее тишиной. Горы, окружавшие ущелье, уходили ввысь, теряясь в грязно-серых облаках. Говорили, на Земле облака были белыми. А еще говорили, что на Земле пилоты могли летать спокойно: их приборы не сходили с ума, потому что Земля, в отличие от Z-8, не была живым магнитом. Z-8, колонизированная более двухсот лет назад, казалось, до сих пор за это мстит: тварями, магнитными бурями, невозможностью пользоваться навигацией. Но, как бы ни ругали Z-8, Рина любила эту планету. Она была ей домом.

Рина поправила кепку, проверила, на месте ли бластер, и неторопливо пошла вперед. Первая отметка была обозначена крестом на измятой карте, на копию которой сейчас смотрел оставшийся в Чаше Тим.

– Ты там небось чаек попиваешь? – спросила Рина, внимательно оглядывая уходившую вдаль дорогу. Справа и слева громоздились камни, под ногами мерзко хрустели кости мелких зверьков.

– А то! – напряженно откликнулся Тим. – Не пропусти первый поворот.

– Ага, – дрогнувшим голосом ответила Рина, лишь волевым усилием загнав всхлип обратно в горло: незачем лишний раз травить Тиму душу.

Гора за ее спиной загудела и выбросила в воздух очередную порцию пепла. Ущелье вздрогнуло, и впереди послышался звук осыпающихся камней.

– Ты как? – тут же спросил Тим.

– Иду. Камнепад далеко.

Ни она, ни Тим не стали говорить, что камни могли перекрыть путь.

Вскоре в ущелье появятся первые хлопья пепла, и ей придется надеть респиратор. Рина надеялась, что к тому моменту успеет одолеть большую часть пути.

Именно пробуждение вулкана послужило спусковым крючком. Два месяца в Чаше пытались делать вид, что ничего не происходит, но когда температура у подножия горы перестала опускаться ниже сорока градусов по Цельсию даже ночью, стало ясно, что медлить нельзя.

Оглянувшись назад, Рина поняла, что пролома, через который она вошла в лабиринт, уже не видно, хотя дорога пока никуда не сворачивала. Остановившись, она сверилась с картой. Скоро будет поворот налево.

Тим в наушнике молчал, но она слышала его надсадное дыхание. В Чаше в последние дни дышалось все труднее. Особенно Тиму с его астмой. Рина не стала его дергать. Шла молча и слушала его дыхание. Несмотря на всю чудовищность ситуации, оно ее успокаивало.

Поворот налево возник неожиданно. Рина сверилась с картой и с сомнением посмотрела на узкую щель среди груды камней. Дорога, по которой она шла, широкой лентой уходила вдаль, но карта указывала на поворот.

– Тим, ты уверен, что нужно сворачивать?

– Уверен, – просипел Тим и закашлялся.

– Тебе... плохо? – сглотнув, спросила Рина, и ее голос эхом отразился от камней.

– Мне хорошо. А когда ты дойдешь до первой отметки, будет еще лучше.

Рина не стала медлить и пролезла в щель, едва не лишившись рюкзака и ободрав локоть. Здесь дорога была намного хуже, а кости под ногами лежали почти сплошным ковром. Рина поморщилась и пошла вперед, слушая противный хруст.

– Никто из тех, кто пошел по прямой, не вернулся. Думаю, это путь к тварям. Они крупные и любят открытое пространство.

– Тогда кто сожрал тех, чьи кости хрустят под моими ногами? – с омерзением спросила Рина.

– Твари поменьше.

Рина простонала.

– Рина, – в голосе Тима слышалось напряжение, – не забудь убедиться, что вокруг чисто, прежде чем уйти с отметки завтра утром.

– Не забуду, – пробурчала Рина, не добавив, что она не очень-то верит в завтрашнее утро. В наушнике вдруг зашуршало, и наступила тишина.

– Тим! Тим!

Ответа не последовало. Час двадцать восемь. Именно на столько хватило их с Тимом связи. И хотя умом Рина понимала, что его голос в наушнике никак не мог защитить ее от тварей, потеряв с ним связь, почувствовала себя испуганным ребенком. Двадцать лет она провела в замкнутом пространстве Чаши, где ей ничто не угрожало. Теперь же оказалась один на один с лабиринтом, из которого никто не возвращался.

Рина тихо всхлипнула и пошла дальше по пустынной дороге. Просыпающийся вулкан отпугнул тварей, но вряд ли они ушли далеко, и Рина понимала, что встреча с ними – вопрос времени.

Она добралась до первой отметки еще засветло. Место, отмеченное крестом, оказалось небольшой пещерой, вход в которую зиял чернотой на уровне ее макушки. Зажав в зубах фонарик, Рина с третьей попытки вскарабкалась по почти отвесной скале и заглянула внутрь. Оставалось надеяться, что вулкан отпугнул всю живность.

Оказавшись в относительной безопасности, она наконец вытянула гудевшие ноги и впервые подумала о том, что, возможно, в конце пути ее ждет сказочное Забрежье, если уж эта пещера существует. Думать об этом было страшно, потому что, даже если ей повезет разминуться с тварями, неизвестно, как ее встретят в Забрежье. Рина скрутилась клубком в тощем спальнике и решила отложить все мысли на потом. Может, и нет никакого Забрежья? Может, за пределами Чаши вообще нет никого, что бы там ни нарисовал Дон на своей карте.

Наутро не привыкший к нагрузкам организм показал Рине, что вчерашняя радость была преждевременной. Есть ли это Забрежье или нет, до него еще нужно дойти. Рина без аппетита сжевала подсохшую лепешку и выпила воды. Убедившись, что в зоне видимости нет живых существ, она сбросила на землю рюкзак и прыгнула сама. Мышцы отозвались болью.

Сегодня солнечные лучи пробивались сквозь серую дымку, а это означало, что день будет жарким. Костей вокруг стало меньше, и Рина немного воодушевилась. Она размышляла о том, что в Чаше никто никогда не видел тварей. Они были чем-то вроде местной страшилки, и Рина впервые подумала: вдруг их вовсе не существует? Вдруг все те, кто ушел в Лабиринт, просто добрались до Забрежья и счастливо зажили в новом мире? Под ногой снова хрустнуло, и Рина поежилась: твари или нет, но кто-то же съел этих зверьков?

Она сняла потемневшую от пота кепку и утерла рукавом лицо, украсив его разводами грязи. Пусть на деле лабиринт оказался вовсе не лабиринтом, но сейчас ущелье раздваивалось, и Рине предстояло выбрать, пойти прямо или же свернуть направо. Нацепив кепку, Рина поправила перекосившийся ремень с бластером и двинулась направо.

– Не туда! – раздалось в наушнике, и Рина от неожиданности споткнулась, едва не упав. Голос принадлежал не Тиму, и связь была намного чище.

– Ты кто? – просипела она.

– Ты бегать умеешь? – бодро спросил незнакомец.

– Я?

– Лично я вижу тебя и трех тварей. Они бегать умеют. Я точно знаю. Свернешь, куда собиралась, – встретитесь. Так что двести метров по прямой, потом направо.

Рина оглянулась назад, пытаясь определить, где говоривший, но увидела все то же ущелье, дрожавшее в знойном мареве. То там, то здесь валялись камни. Местами унылый пейзаж разбавляли выбеленные временем скелеты животных, присыпанные вулканическим пеплом. Ни намека на чье-либо присутствие.

– Они движутся в твою сторону, – вновь ожил наушник. – Еще чуть-чуть постоишь, и ты труп.

Рина на миг зажмурилась и, доверившись незнакомому голосу, рванула с места, чувствуя, как в ушах грохочет кровь, а под ногами хрустят кости.

– Направо!

Рина оглянулась и сбилась с шага, потому что увидела первую тварь размером с крупную собаку. Та неслась в ее сторону огромными прыжками. – Направо! – Голос в наушнике взлетел на октаву.

Рина отмерла, бросилась направо, протиснулась между камнями и поняла, что оказалась в тупике.

– Здесь тупик! – закричала она, срываясь на визг.

– Разворачивайся и стреляй.

Рина выругалась, отстегнула бластер и направила его в проем между камнями. Тварь появилась так резко, что Рина снова взвизгнула, одновременно нажимая на курок. Заряд попал точно в оскаленную пасть. Рина в ужасе зажмурилась. Голос говорил, что их три? Бластеру нужно тринадцать секунд для перезарядки. Уши закладывало от давящего звука, и только спустя время Рина осознала, что это ее крик отдается эхом от камней. Резко замолчав, она поразилась наступившей тишине. – Твари глупы и пугливы, на наше с тобой счастье, – невозмутимо прозвучало в наушнике. – Оставшиеся не сунутся к тебе еще несколько часов.

– Кто ты такой? – отбивая зубами дробь, прошептала Рина.

– Я тот, кто выведет тебя отсюда.

– Куда? – всхлипнув, спросила Рина.

– О, вариантов у нас масса: песчаный пляж Равии, оазис Удо, курорты Тари, но это теоретически. На практике эта дорога ведет в Забрежье. – Оно существует? – тупо спросила Рина, глядя прямо перед собой на трещину в камне, лишь бы не смотреть на убитую тварь.

– Когда я выходил в эфир, определенно существовало, – откликнулся голос. – Тебе лучше побыть там немного: у нее задние ноги еще дергаются, могут тебя зацепить.

Рина почувствовала, как съеденная утром лепешка со спазмами поднимается к горлу, и не успела ничего предпринять: ее вырвало.

Голос вежливо молчал, пока она пристегивала бластер, пила теплую воду из фляги, умывалась. И лишь когда она глубоко вздохнула, решив, что, пожалуй, готова выходить, в наушниках раздалось:

– Путь свободен.

Рина выбралась из ущелья, зажав нос от зловония и стараясь не глядеть на останки твари. Ее снова замутило.

– Эй, – позвала она, оглядываясь вокруг.

Тварей вправду не было. Воздух все так же дрожал от знойного марева, а ее голос эхом отразился от камней.

– Я здесь, – тут же откликнулся наушник.

– Ты в Забрежье?

– Физически да, а всеми мыслями с тобой.

Рина, не удержавшись, фыркнула, но тут же оглянулась на труп твари и посерьезнела.

– Голос, – позвала она, постеснявшись спросить его имя, и услышала смешок в наушнике, – заряда моего бластера хватит в лучшем случае до завтрашнего вечера. Насколько хватит наушника, не знаю. Тим, наш врач, говорил, что до Забрежья тридцать километров. Твари ведь вернутся. Я не выберусь, да?

– Через сто метров справа будет тень. Отдохни и поешь, а я буду говорить.

– Я не смогу сейчас есть, – содрогнулась Рина.

– Тогда и говорить не о чем, – спокойно отозвался Голос. – Не поешь, не дотянешь до Забрежья. Выбирай: душевные терзания или шанс выжить. Если выберешь первое, я отключаюсь. Не хочу смотреть на твой труп.

– Ты меня видишь? – тут же откликнулась Рина и повернула голову, будто обладатель голоса мог быть где-то рядом.

– Конечно, вижу, – театрально вздохнул Голос. – Подними голову и помаши ручкой.

Рина послушно подняла голову, но ничего не увидела, только перед глазами замелькали красные пятна от неожиданно выглянувшего солнца.

– Я вижу тебя со спутника, – пояснил Голос.

– Магнитные аномалии гасят сигнал.

– Устроишься на обед, расскажу сказку, – пообещал Голос.

Рина снова фыркнула и пошла дальше, стараясь не думать, что кости, валявшиеся на ее пути, на этот раз очень похожи на человеческие. В голове было пусто. Что бы ни сказал сейчас этот человек, реальность заключалась в том, что она не доберется. Тим зря был так уверен в ее силах и удаче. Бедный Тим. Жив ли он еще?

– Эй, ты там ревешь, что ли? – с подозрением спросил Голос.

– Хочу и реву, – огрызнулась она.

– Ты можешь, конечно, реветь, но это усилит обезвоживание.

– Бесчувственный чурбан! – не выдержала Рина. – Там остался мой друг, понятно? И еще десять человек. Им не хватило места в челноках. Вы в своем сказочном Забрежье понятия не имеете, сколько невозможного Тим и другие взрослые сделали, чтобы мы там выжили, и каково это, когда кончается еда, а местную воду нельзя пить!

Рина выдохлась и, раскидав мелкие кости, зло уселась на землю. Стащив с головы кепку, она взъерошила мокрые от пота волосы. К черту! Тим ошибся. Ей не стоило даже пытаться. Она просто останется здесь. И плевать на все.

Рина глотнула воды и вытянула ноги, думая о том, что тварям даже напрягаться не придется, когда они придут. Интересно, этот вправду не станет смотреть?

– Чем вы очищали воду? – буднично спросил Голос, и Рина услышала металлический скрип.

– Кремнием. А потом ягодами. Что у тебя скрипит?

– Протез, – откликнулся Голос.

– У тебя протез? – негромко спросила Рина.

Ник в Чаше лишился ноги во время камнепада. Тим не мог обеспечить его протезом, и Рина жутко сочувствовала Нику, пока ухаживала за ним в госпитале. Он был одним из тех, кто остался в Чаше.

– Обе ноги и рука, – меж тем откликнулся Голос.

Рина сглотнула и осторожно спросила:

– Как это случилось?

– Когда твари сыты, они играют. Перекидывают добычу друг другу.

Рина судорожно выдохнула и, опираясь на камень за своей спиной, встала. На дороге по-прежнему никого не было, но ей стало не по себе. А вдруг все-таки вернутся? Рина нацепила кепку и, сунув флягу в рюкзак, нетвердым шагом пошла дальше. – Если тебе удастся пройти

еще около трех километров, то эту ночь можешь спать спокойно, – словно прочитав ее мысли, произнес Голос.

– Почему? – спросила Рина, стараясь отогнать от себя образ искалеченного человека.

– Твари не переносят излучения наших охранных установок. Ближе, чем на пятнадцать километров, к Забрежью не подбираются.

– Я родилась в Зарии. Там тоже не подходили из-за установок, а потом в одну ночь набросились стаей и прорвали внешний периметр, несмотря на ток. Мне было четыре. Помню, как родители меня разбудили, и мы улетели на сельскохозяйственном шаттле. Даже вещей почти не взяли. А потом он разбился, и мы оказались в Чаше. Летели к вам, кстати.

– Я читал про Зарию. Сочувствую.

– Спасибо, – откликнулась Рина.

– Почему «Чаша»?

– Она горами окружена. Не выберешься.

Рина сглотнула, вдруг вспомнив маму в ту ночь в Зарии, испуганную и бледную. Только голос у нее был совсем обычный, когда она сказала: «Рина, нам нужно улетать. Можешь взять Пушу». Пуша, маленький плюшевый заяц, сейчас был упрятан на дно ее рюкзака, но Рина ни за что никому в этом бы не призналась.

– Твои родители... – Голос словно почувствовал, о чем она думала.

– Папа пропал в Лабиринте в первый же год. Тогда еще думали, что через него можно выйти. Я его совсем не помню. А мама умерла еще через год.

– Сочувствую.

Рина кивнула, хотя и не была уверена, что Голос со спутника увидит.

– Меня вырастил Тим, – зачем-то добавила она.

– Почему ты идешь одна?

– На челноках не хватило места. То есть хватило, но не всем. То есть... – Рина смутилась, не зная, как объяснить Голосу. Он же не Тим. Это тот ее с детства знает.

– Так что с местом?

Рина глубоко вздохнула и потерла нос. В Чаше все настолько привыкли друг к другу, что понимали с полуслова. Ей впервые приходилось так мучительно подбирать слова.

– На шаттле было около двухсот человек. Я точно не знаю. Посадка была аварийной, и лететь он больше не мог. Даже если бы и смог, сам понимаешь, без навигации...

Голос усмехнулся.

– Знакома с навигацией?

– Я не совсем тупая! – обиделась Рина. – У нас был учитель, Дон. Это он нарисовал карту лабиринта. Он единственный, кто смог вернуться из него. Правда, потом он пропал, а карта осталась. Тим и капитан ему тогда не поверили, а теперь я иду с этой картой. Смешно, да? Меня Тим заставил. Сказал, что это хоть какой-то шанс. А вообще мы всегда помогали взрослым, так и учились. Я с детства крутилась в госпитале с Тимом. Так что я даже могу делать операции. Недавно сама палец пришила Мике, и он прижился.

– Ты молодец, – серьезно произнес Голос и добавил: – Я не хотел тебя обидеть. Мир?

– Мир, – ответила Рина, хотя ей все еще было немного обидно. Но жизнь в Чаше приучила ее прощать обиды быстро. – В общем, мы и не думали улетать. Но вулкан проснулся, и нам пришлось. Тянули жребий. В двух челноках – пятьдесят восемь мест. Те, кто слабые, как Ник без ноги или слепой Уве, жребий не тянули.

– Что за жребий?

– Челнока два, а пилот один – капитан. Дик, его сын, ни разу не летал. Те, кто летел с Диком... сам понимаешь. Неизвестно, долетели ли. Да и остальные... Приборы же не работают из-за магнитного поля. Но Дик сам взлетел, представляешь? – с гордостью поделилась Рина.

– Круто, – произнес Голос, впрочем, без энтузиазма, и тут же спросил: – А что насчет тебя?

– А я отдала место Лине. Она ждет ребенка, и ей плохо все время. Капитан решил ее не брать. Взять только тех, от кого польза.

– Почему же он оставил врача?

– Тим... он не согласился с тем, что летят только сильные. И остался. Он вот такой...

– Почему он позволил остаться тебе?

– Он не позволял. Я с ним попрощалась, потом отдала одежду Лине. Там такая суматоха была. Я показалась Тиму, только когда челноки улетели.

Голос тяжело вздохнул и что-то пробормотал. Рина не решилась переспросить. От воспоминаний о Чаше в носу защипало, и она поспешно спросила:

– Мне идти еще километров пятнадцать, да?

– Двенадцать, – после паузы откликнулся Голос. – Если быть точным, двенадцать километров и сто два метра.

– Да откуда у тебя такая точность? – воскликнула Рина.

– Подними голову и помаши ручкой, – откликнулся Голос.

– Ты видишь Чашу? Можешь посмотреть, как Тим? – попросила Рина.

– Чашу не вижу. Я подключился к тебе сразу, как засек. Все, что позади тебя, для меня белое пятно.

– Большое?

– Около ста двадцати километров.

– Выходит, и горы не видишь? Я надеялась, что с высоты видно, насколько близко лава поднялась по жерлу.

Некоторое время Голос молчал, Рина слышала лишь его негромкое дыхание.

– Меня Рина зовут, – пробормотала она зачем-то.

– Привет, Рина, – тут же отозвался Голос и не представился в ответ. Рина снова невольно обиделась.

Идти стало труднее. Дорога незаметно, но неумолимо поднималась в гору.

– У нас это называют лабиринтом, – через двадцать минут тишины произнесла запыхавшаяся Рина, – а дорога прямая!

– Ты так говоришь, будто я виноват в вашем ошибочном представлении.

– Виноват, – все еще не отойдя от обиды, буркнула она. – Не могли вы в своем сытом Забрежье изобрести приборы, которые боролись бы с аномалиями?

Голос осторожно произнес:

– Это не так просто, Рина. Z-8 не любит чужаков.

Она старается уничтожить нас и пока побеждает.

Но мы справимся.

Справятся они! Какой толк от этого Тиму?

В наушнике снова раздался скрип, и Рина закусил губу. Ей вдруг стало невыносимо стыдно за то, что она накинулась на человека, пытающегося ей помочь. Впрочем, если быть до конца честной, дело было в протезах.

– Прости. Ты не виноват, – проговорила она.

– Забудь, – тут же откликнулся Голос, и на заднем фоне что-то зашипело.

– Что у тебя шипит?

– Энергетик.

– А почему шипит?

Голос несколько секунд озадаченно молчал, а потом спросил:

– Ты не видела металлических банок?

– Видела, конечно! – возмутилась Рина.

– В которых напитки под давлением?

– Таких нет, – нехотя призналась она. – Нам не на чем было их изготавливать, знаешь ли.

– Понятно. Доберешься до Забрежья – угощу.

Он говорил так, будто у нее был шанс дойти до Забрежья и, кажется, не сердился. Рина вдруг поймала себя на мысли, что очень не хочет, чтобы он на нее сердился.

– Ты бывал в лабиринте? – спросила она, чтобы как-то поддержать разговор.

– В молодости.

– А сейчас у тебя не молодость? – рассмеялась она.

– Сейчас тоже молодость, но в ущелье я больше не хожу.

Рина прикусила язык, осознав, что едва не спросила почему. Куда уж ему теперь ходить?

– Давно у тебя... ну, протезы?

Голос некоторое время молчал, и Рину накрыла очередная волна стыда. Ну, кто ее за язык тянул?

– У меня стул скрипит, подкрутить нужно.

Сперва Рина не сообразила, что это значит, а когда до нее дошло, она медленно спросила:

– Так у тебя нет протезов?

– Не-а. Я пошутил.

– Ты идиот? – почти спокойно спросила она, разом забыв о неловкости.

– Слушай, ты была такая напряженная, что я решил разрядить обстановку. Ну, признайся, что, услышав про протезы, ты позабыла часть своих горестей, а заодно прониклась ко мне сочувствием.

– Вот теперь я точно доберусь до Забрежья и придушу тебя! – прошипела она, понимая, что впервые в жизни задыхается от ярости.

Голос весело расхохотался.

– Придурок! – крикнула Рина, задрав голову. Больше за весь этот день она не произнесла ни слова. Голос тоже молчал. Она слышала, как у него скрипит чертов стул, шипит очередной энергетик (и как еще сердце выдерживает?), иногда он кашлял и чем-то шуршал. Рина демонстративно молчала. Она была слишком зла.

Устраиваясь на ночлег, она поймала себя на мысли, что большую часть пути вовсе не думала ни о Тиме, ни о тварях. Вместо этого бесилась из-за дурацкой шутки и упрямо шла вперед без остановок. За это и поплатилась. Разувшись и оглядев ступню, Рина поняла, что натерла левую ногу. Наскоро обработав мозоль, она впихнула в себя лепешку и небольшой кусок вяленого мяса, запила водой и наконец легла, размышляя о том, что завтра вряд ли сможет встать, а уж тем более идти. – Эй, – сердито позвала она, – сколько мне еще идти?

– Шесть километров, – тут же послышалось в наушнике.

Рина вздохнула и попыталась устроиться поудобнее. Ноги гудели от усталости, в горле першило, жесткий камень, кажется, впивался в тело каждым своим сантиметром. Рина вдруг подумала: может, она слишком бурно отреагировала на шутку? Ну и что, что до этого над ней особо не шутили? Это же было в Чаше. Там шутник мог и головы лишиться. Рина набралась храбрости и позвала:

– Эй.

– М?

– Ты будешь спать?

В наушнике раздался смешок:

– Я буду охранять твой сон.

Рина невольно улыбнулась, а потом посмотрела в затянутое тучами небо. Здесь тоже не было видно Луны.

– Темно, шорохи, – прошептала Рина.

– Это мелкие грызуны, они безобидные. Я буду тебя охранять, обещаю.

Рина снова улыбнулась и поняла, что желание убить его за дурацкую шутку поутихло. Его негромкое дыхание в наушнике успокаивало. Это было почти как с Тимом.

– Хватит сопеть, спи! – строго произнес Голос и вдруг, кашлянув, добавил: – Прости за шутку. Это было глупо. Хочешь колыбельную?

И, не дожидаясь ее ответа, негромко запел.

Он определенно не умел петь, но у него был потрясающий голос: низкий, глубокий и очень уютный. Днем она не обращала на это внимания, а вот теперь заслушалась. Убаюканная тихой песней, Рина успела подумать, как было бы здорово его увидеть.

Следующее утро показало, что ее вечерние опасения не были беспочвенными. Мозоль воспалилась. Она не стала жаловаться Голосу. Сцепив зубы, обрабатывала ногу, пока Голос, бодрый до невозможности, рассказывал ей о красотах Забрежья. На завтрак сил у нее не осталось.

Первую половину дня они провели в молчании. Голос изредка скрипел стулом, чем-то стучал, шелестел и вновь шипел энергетиком. Рина не стала уточнять, которым по счету, потому что была не в том состоянии, чтобы беспокоиться о чужом здоровье.

К полудню Голос вдруг произнес:

– Нога совсем паршиво?

Рина вздрогнула от неожиданности, потому что уже успела дойти до той стадии отупения, когда не понимаешь, где ты и что происходит.

– Как ты узнал? – спросила она.

– Подними голову и помашь ручкой, – на автомате отшутился Голос и добавил: – Еще четыре километра. Правда, круто вверх. Дойдешь?

Рина отчетливо слышала в вопросе опасение. Она пожала плечами, осознав, что даже это мизерное действие потребовало колоссальных усилий.

– Думаю, нет.

– Меняем план! – бодро произнес Голос. – Сейчас обед. Потом отдых. Сегодня ты пройдешь всего два километра, а оставшиеся два утром.

– Я вообще ни шагу не смогу, – честно сказала Рина.

Но впихнув в себя черствую лепешку, она все же поддалась уговорам Голоса и встала.

Те два километра Рина прошла в мутном мареве. Каждый шаг отдавался пульсацией в ноге, уши заложило, нестерпимо хотелось лечь на раскаленные камни, свернуться клубком и больше никогда не вставать, но Голос в наушнике не давал этого сделать. Он уговаривал, ругался и снова уговаривал. Он бесил, умилял и был просто невыносимым. И каким-то образом Рина делала шаг за шагом.

Ближе к вечеру она все-таки преодолела злосчастные два километра. Даже чуть больше – он снова схитрил, хотя обещал, что отмерит ровно два.

На последнем привале Рина вновь обработала ногу, выпила воды и, опершись спиной о прогретый камень, закрыла глаза. Чуть меньше двух километров. Казалось бы, ерунда, но Рина понимала, что эту дистанцию ей не преодолеть. Она смирилась с неизбежным, только сожалела о том, что подвела Голос. Он в нее верил. Рина вдруг подумала, что за всю ее жизнь никто не говорил с ней столько, сколько этот человек. Сколько сил он потратил на нее за последние сутки!

– Голос, – позвала она.

– М? – привычно откликнулся наушник.

– Ты классный, – в своем нормальном состоянии она бы никогда не сказала подобного незнакомому мужчине. Даже знакомому бы не сказала. Но этот человек был для нее целым миром сейчас, и ей даже не было стыдно. – Ты столько для меня сделал.

– Та-ак, – протянул Голос. – Ты чего?

– Будем реалистами, – предложила Рина. – Я не пройду еще два километра.

– Полтора.

– Ты говорил, я прошла чуть больше двух, а два с половиной – это сильно больше, учитывая дорогу! – возмутилась она.

– Ты все сможешь, Рина, поверь, – серьезно произнес Голос. – К тому же... Что-то шелкнуло, и в наушнике наступила тишина.

– Эй! Голос! – в панике позвала Рина.

Наушник молчал. Что могло случиться в их беззаботном Забрежье, что спутник вдруг потерял связь? Рина сняла наушник и проверила индикатор зарядки. Заряд еще был. Рина достала резервную гарнитуру, громоздкую и старомодную. Та предсказуемо не работала. В итоге Рина решила оставить обе, собралась с силами, встала и медленно побрела вперед. Они не обсудили с Голосом место для ночевки. Они ничего не обсудили, потому что она вдруг решила сдаться, и он вынужден был ее уговаривать, как ребенка. И что теперь?

Солнце уже клонилось к закату. Еще полчаса, и в ущелье окончательно стемнеет. Рина делала шаг за шагом, твердо решив добраться до Забрежья, чтобы посмотреть в глаза Голосу и спросить, почему он ее бросил. Умом она понимала, что он вряд ли отключился специально, но упорно цеплялась за свою обиду, потому что мысль о том, что с ним что-то могло случиться, заставляла внутренности скручиваться узлом.

Спустя некоторое время Рина растерянно остановилась, потому что ущелье вновь раздваивалось. Ей уже попадались ответвления, но тогда она едва обращала на них внимание, ведь Голос говорил, куда идти. Сейчас выбрать предстояло самой, и от выбора напрямую зависела ее жизнь: сил на то, чтобы вернуться и пойти другим путем, у нее уже не будет.

Солнце наполовину скрылось за горой, а она все не могла решить, наивно ожидая, что случится чудо: ее наушник оживет. Наушник молчал, но чудо все же случилось. Откуда-то справа раздалось:

– Рина? Девочка!

Рина вздрогнула и резко повернулась в ту сторону. Ногу прострелила острая боль, но она даже не обратила на нее внимания.

– Дон?! – изумленно воскликнула Рина.

Дон, ее старый учитель, нарисовавший карту, давший ей шанс выжить... Дон, которому не верили в Чаше, торопливо шел в ее сторону. Значит, в Забрежье нужно было повернуть направо!

– Откуда вы здесь?

– Девочка! – Дон сгреб ее в объятия и прижал к себе изо всех сил. – Ты еле на ногах стоишь.

Он больше не носил бороду и от него незнакомо пахло, но это был все тот же Дон с негромким голосом и доброй улыбкой, и Рина, не выдержав, разрыдалась.

Дон помог ей добраться до большого валуна, участливо сжал ее плечо и молчал все время, пока она, давясь слезами, рассказывала про вулкан, челноки и Тима, оставшегося в Чаше. Рина понимала, что Дон ничем им не поможет, но, наверное, хотела услышать слова поддержки и хоть частично снять с души груз вины за то, что все же ушла, оставив их там умирать.

– Тим поступил правильно. Ты еще так молода, у тебя вся жизнь впереди. Ну, все, все. Все хорошо теперь будет. Ты и жизни-то пока не видела. Только нас, стариков.

Дон улыбнулся, и Рина невольно усмехнулась в ответ. Она вправду ничего еще не видела. Вон даже знакомиться не умела. Мысли сами собой вернулись к Голосу, и Рина потянулась к гарнитуру, но Дон ее опередил. Осторожно вынул старомодную гарнитуру, поднес к уху, поцокал языком. – Сигнала нет, – озвучил Дон, убирая гарнитуру в свой карман. – Да он тебе и не нужен больше. – Связь с Тимом оборвалась, а потом на моей частоте появился... – Рина запнулась под внимательным взглядом Дона и поняла, что так и не узнала имени Голоса, – кто-то из Забрежья.

Дон что-то прошептал, возведя глаза к быстро темнеющему небу.

– Переночуем здесь. Потемну идти опасно, – объявил он.

Рина заметила, что радость от встречи на лице Дона уступила место беспокойству.

– Что не так? – напрямик спросила она.

– Ты даже представить не можешь, какой участи избежала, – Дон сжал карман с ее гарнитурой, будто хотел заглушить сигнал, которого и так не было.

– Вы о чем?

– Об этом ублюдке. Если бы я хоть раз добрался до него... – Лицо Дона исказила гримаса ненависти.

Дон, ее старый учитель, никогда не позволял себе дурных слов ни в чей адрес... Огоршенная Рина потянулась было вынуть настоящий наушник, но, вспомнив смех Голоса, просто заправила волосы за ухо. Она должна разобраться.

– Кто он?

– Он подхватывает частоту тех, кто идет сквозь лабиринт. Здесь много дорог, как ты заметила. Обещает отвести в Забрежье. Он лихо втирается в доверие, да и много ли надо человеку, потерявшему надежду? Мужчин ведет в пасть к тварям. Дальше по прямой – логово этих бестий. Мы месяц назад потеряли пятерых, когда пытались перехватить паренька из Кады. Иногда он ведет их к обрыву или в пещеру. Говорит, что там есть выход. Женщин уводит к себе. За последние два года ты первая, кого удалось отрубить от его сигнала.

– Куда уводит? – сглотнув, спросила Рина, чувствуя тупую боль в груди.

– Не знаю, девочка. Он чертов гений и гасит все сигналы, кроме своего и своей добычи. Мы чудом прорвались. Я вас слышал. Только не узнал твой голос.

Рина вдруг поняла, что многое бы отдала, чтобы отмотать время назад до момента обрыва связи с Тимом. Лучше бы она свернула к тварям.

Дон, кажется, понимал ее чувства, потому что щелкнул ее по носу совсем как в детстве и ободряюще улыбнулся:

– Отдыхай. Все обошлось.

Рина послушно опустилась на камень, устроив голову на рюкзаке и чувствуя себя полностью разбитой. Ей очень хотелось вытащить проклятый наушник, но даже на это сил не осталось. В отупевшем от усталости и шока мозгу крутился один вопрос: «За что?»

Дон что-то рассказывал ей о красотах Забрежья, о море и фонтанах, обещал, что завтра в километре отсюда их будет ждать транспорт, Рина же думала о Голосе, и в груди ее тупо ныло.

С Доном кто-то связался по старомодной рации, и тут ее наушник ожил. Рину подбросило на камне, когда Голос, на этот раз звучавший сквозь помехи, скороговоркой выдал:

– Не показывай, что я на связи, Рина! Он не из Забрежья. Он пришел с рудников. Их компьютерщик гребаный гений. Ломает любую нашу защиту. Через двенадцать минут стемнеет. Если он будет давать еду или питье, отказывайся.

Рина, застывшая полусидя на камне, невольно покосилась на флягу, которую Дон, не прерывая разговора, положил рядом с ней. Она вздохнула, невольно всхлипнув, и Дон тут же оглянулся, вопросительно приподняв бровь.

– Рина, не глупи! – произнес Голос.

Рина зажмурилась, молясь про себя, чтобы это закончилось. Кому верить: Дону, которого она знала всю жизнь, или Голосу, появившемуся сутки назад?

– Рина, поверь мне!

– Нога болит, – непослушными губами произнесла она, и Дон сочувственно покачал головой, а потом улыбнулся. Так привычно...

– Хорошая новость. Парни смогут подогнать транспорт сейчас. Я их встречу. У тебя свет есть?

Рина заторможенно кивнула.

– Включи. Мы вернемся с носилками.

Дон подошел и потрепал Рину по спутавшимся волосам:

– Держись.

Насвистывая, он направился по той же дороге, по которой пришел, и быстро скрылся в темноте.

– Рина, ты умничка! Сейчас слушай внимательно. Включи фонарь, положи его на камень и направь туда, куда он ушел, а сама иди по другой дороге. Рина молчала.

– Рина, детка, у нас нет времени! Ты еще не поняла? Они перехватывают сигнал и уводят людей в рудники. Тебя продадут. Ты станешь трофеем охраны, а потом сгниешь заживо, добывая цирконий. Рина, я умоляю тебя, встань. Слышишь?

Рина с трудом встала и охнула, наступив на ногу.

– Ненавижу тебя, – прошептала она. – Я все равно не смогу пройти полтора километра.

– Всего девятьсот двадцать метров.

Рина заковыляла в темноте, всхлипывая от боли и обиды.

– Ненавижу тебя, – рефреном повторяла она, чувствуя, что предает Дона так же, как предала Тима.

– Ненавидь, хорошая моя, что хочешь делай, только иди.

– Я не вижу ничего! – Ее фонарь остался на камне.

– Не бойся. Я вижу. Дорога прямая и ровная. Просто иди. Вокруг никого.

– Там логово тварей, да? – Рину мутило от боли и страха. Она боялась, что поставила не на того человека в этой гонке за жизнь.

– Забрежье, конечно, можно и так назвать, но, боюсь, мой брат обидится.

– Брат?

– Он капитан Забрежья. Ты его увидишь. Он... Голос вдруг запнулся и после паузы произнес очень спокойно: – Рина, беги.

– Что?

– Рина, они возвращаются. Беги!

Рина глубоко вдохнула, уже понимая, что сделает так, как он говорит. Кажется, за эти бесконечные девятьсот метров она вспомнила все ругательства, которые когда-либо слышала. Боль в ноге была такой острой, что от каждого шага заходило сердце.

Вдруг сзади послышались крики, и темноту прорезали далекие лучи фонарей. Раздался выстрел, справа зашуршало. Рина пока еще не понимала, что Дон, которого она знала с детства, сейчас пытается ее убить. В эту минуту она думала лишь о том, что Голос не соврал. И это давало сил бежать вперед.

Неожиданно ей в лицо ударил яркий свет, голоса позади тут же смолкли. Ослепленная Рина не видела выбежавшего навстречу мужчину, лишь почувствовала, как кто-то схватил ее за плечи. Рина в панике попыталась было вырваться, но услышала голос, с трудом различимый за шумом крови в ушах:

– Все! Ты в безопасности, Рина. Ты добралась. Мак свой. Мак, не потеряй!

– Так точно, – весело отрапортовал здоровяк Мак, подхватив ее на руки. Рина поняла, что он настроен на их с Голосом частоту.

Услышав в наушнике привычное Рине шипение энергетика, Мак посуровел:

– Хватит травиться! Она уже у нас.

– До встречи, Рина, – отозвался наушник, и Рина обессиленно закрыла глаза.

Первое, что она увидела, очнувшись в госпитале, – прозрачную трубку капельницы с мутно-белой жидкостью, а потом сфокусировала взгляд на человеке, стоявшем у кровати. На вид ему было около сорока. Темные волосы, темные глаза. Его внешность была вполне обычной, вот только взглядом и осанкой он напомнил Рине капитана Чаши. Поверх темной рубашки и брюк на мужчине был прозрачный халат.

– Добро пожаловать в Забрёжье! – с улыбкой произнес он.

Сердце Рины екнуло. Наушник искажал. Вживую его голос звучал еще лучше.

– Голос, – прошептала Рина, и ее губы сами собой расплылись в ответной улыбке.

– Голос? – Мужчина приподнял бровь, и сердце Рины екнуло снова, но на этот раз от ужаса: на секунду даже пришла нелепая мысль, что последние три дня ей привиделись.

– Голос – это я, – вдруг раздалось из-за спины мужчины, и в палату вошел еще один человек, в футболке и камуфляжных брюках, без халата. Он был очень похож на первого, но если тот выглядел представительно, то этот...

– Ты бы хоть побрился, – с досадой проговорил первый и усмехнулся: – ...Голос. Хотя, лучше не надо. После стольких-то энергетиков.

Мужчина выразительно посмотрел на руки Голоса, и тот быстро засунул их в карманы, не сводя взгляда с Рины.

– Это Рон. Капитан Забрёжья, – произнес Голос и неловко повел плечами.

Рина с трудом кивнула, тоже неотрывно глядя на Голос. Тот был бледным, с темными кругами под глазами, и капитан Забрёжья был прав – его брату не мешало бы побриться.

– Рина, – начал капитан, и она с усилием оторвалась от разглядывания Голоса. Ей иррационально казалось, что стоит отвернуться, и он исчезнет. – Мы изъяли твою карту. Остальное получишь, когда пройдет карантин. Ты из места, о котором мы ничего не знаем. Сама понимаешь.

Рина кивнула.

– Сейчас отдыхай, ты все равно под успокоительным. Завтра составишь карту Чаши и список тех, кто остался, с описанием их состояния.

– Вы хотите... – робко начала Рина.

– Скажем так, – перебил капитан, – мы посмотрим, что можно сделать, но я ничего не обещаю.

При этом он посмотрел на брата так, словно ожидал возражений.

Возражений не последовало. Капитан, ободряюще улыбнувшись Рине, снял с себя халат, набросил его на плечи Голосу, что-то ему прошептал и вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Наступила тишина. Рина разглядывала Голос, думая о том, что он еще лучше, чем она могла бы вообразить. И дело было совсем не во внешности. Просто он сейчас смотрел на нее так, что ее душа уходила в пятки, а в голову лезли мысли о том, что она выглядит нелепо в светло-серой пижаме и что от нее ощутимо пахнет дезинфекцией.

– Привет, – наконец произнес Голос. – Я тот классный парень, который пел тебе песенку.

Он неловко улыбнулся и провел рукой по ежику волос. Рука заметно дрожала.

– Тремор от энергетика. Я не всегда такой, – словно оправдываясь, произнес Голос.

– Привет, – смущенно улыбнулась Рина. – Ты зачем последний-то пил?

На лице Голоса появилось страдальческое выражение:

– Меня уже заставили написать пять отчетов о нарушениях. Можно, я просто скажу, что хотел быть уверенным, что ты добралась нормально? – Пять отчетов из-за энергетика? – округлила глаза Рина, стараясь унять колотящееся сердце. Неужели кто-то, кроме Тима, мог сделать подобное ради нее?

– После шести часов я был обязан сдать смену, а я не сдал. И использовал личный сервер капитана, когда работарговцы меня отрубили. Большая часть отчетов из-за этого.

Рина сглотнула, вспомнив о Доне:

– Значит, из лабиринта есть выход, а все, кого перехватывал Дон, попадали в рудники? Потому он указал на карте лишь часть пути в Забрёжье, до места, где их... встречали?

Голос зябко поежился, отчего халат соскользнул на белый пол, но он не стал его поднимать.

– Как он мог? – прошептала Рина.

– Это большие деньги, Рина. Мне жаль, – ответил Голос, отводя взгляд.

Наступила тишина. Голос вглядывался в темный прямоугольник окна рядом с изголовьем ее кровати. Рина же смотрела на него и думала о том, что, наверное, все-таки влюбилась, только не могла понять когда. Когда он впервые взбесил ее дурацкой шуткой? Когда извинился? Когда пел ей колыбельную? Или же когда не бросил после потери связи?

– Почему ты не сдал смену? – еле слышно спросила она.

Голос вздрогнул, словно забыл о ее присутствии, и перевел на нее напряженный взгляд. Некоторое время он молча рассматривал Рину, отчего ее сердце, казалось, проломит ребра.

– Я не смог, – негромко ответил Голос.

Рина посмотрела на свои пальцы, нервно теребившие простынь, и, отчаянно краснея, спросила:

– Был сражен моей красотой?

Голос усмехнулся и смущенно кашлянул. Сердце Риной сделало кульбит.

– Ты себе хоть представляешь картинку со спутника?

– Тогда почему?

Голос длинно выдохнул и произнес:

– Часов через семь меня вырубят. Еще через сутки я проснусь во вменяемом состоянии.

Можно, я отвечу послезавтра?

Рина кивнула, не поднимая головы, и подумала, что ответ не так уж и важен.

Лидия Королёва Дитя Вечности

Мой любимый мужчина пришел холодным зимним вечером. Он выглядел худее, заметно постарел за этот месяц и уже не казался великаном. Тихий и молчаливый, он присел рядом, положив свою ладонь на мою. Внутри же меня все трепетало, и я ждала, что вот-вот он расскажет, где побывал за эти долгие дни, что увидел вдаль от меня. Мечтала о том, что родной голос с хриплыми нотками вновь и вновь перескажет мне историю о влюбленных, так похожих на нас, но со счастливым концом. Но мой мужчина молчал. Когда же ночь вползла в комнату, он зажег лампу на столе, согрел воду и стал мыть меня. Я от рождения нема и недвижима: моя оболочка с плавными линиями не подчиняется мне. Я не могу повернуть голову или поднять руку. Но природа наградила меня прекрасным слухом и острым зрением: я слушала дыхание любимого, склонившегося надо мной, треск поленьев в плите, слабое гудение стекол в рамах окна. Я различала даже скрип снега под ногами прохожих за стенами мастерской.

Он был не молод, мой мастер. Печальное лицо разрезали глубокие морщины, исходящие лучами от глаз, а губы, сжатые в трагичной стариковской усмешке, прятались в белых клочках усов и бороды. Мое юное тело изгибалось перед ним, а душа сжималась в осознании того, что эта красота не сможет удержать и пленить любимого человека надолго, на тот срок, что нужен мне.

Я знала: мое время – вечность.

Теплая вода и мягкое мочало приятно касались тела. Руки мужчины скользили по моей груди, бедрам и животу, плавно обводя их. Из-под полуопущенных век я наблюдала за сменой эмоций на заострившемся лице мастера и вдруг осознала, что он готовит меня к чему-то очень

важному. Понимала и млела в неге оцепенения, ловя каждую секунду близости, но не имея возможности ни задержать его руку, ни ответить на ласку касаний.

Потом мой мастер медленно и нежно обтер меня пушистым полотенцем, повторив уже пройденный губкой путь.

Трепетно промокнув мое лицо тканью, шершавые пальцы коснулись моего подбородка, и я захотела зажмуриться: наконец-то случился поцелуй!

Быстрый поцелуй, стремительный, как вспышка падающей звезды!

Пылающая щека мастера прижалась к моей, и я ощутила, что великан не сдержал слез. Капля горечи этой последней, как я все острее предчувствовала, встречи наедине. Он рассматривал меня долго и задумчиво. В его немигающем взгляде я уловила восхищение и какую-то грустную нежность, скорее отеческую, чем нежность влюбленного мужчины. И игла ревности обжигающей болью кольнула мое сердце.

Бережно укрыв меня покрывалом, мой мужчина подошел к окну и раздвинул тяжелые шторы. Утро уже прокралось в город, разбавляя серые краски нежным розовым светом. Теперь мастер рассматривал улицу, но вся его фигура выдавала напряжение. Он ждал кого-то или чего-то. До меня донесся дурманивший запах табака, тлеющего в трубке. Курить в моем присутствии мастер позволял себе крайне редко. И с уплотнением синеватой дымки в помещении я понимала, что вот-вот наша жизнь изменится бесповоротно. Докурив и впустив в открытое окно морозный воздух, он вновь вернулся ко мне и наконец-то заговорил, но непривычным и скрипучим полусшепотом, в котором я с трудом узнала родные нотки:

– Девочка моя! Пришло время тебе спасти меня от позора, а мою семью от долгов и голодной смерти. Ты – идеальна! Все что я мог, я отдал тебе, все – на что был способен... Ты моя отрада, мечта и любовь... последняя моя любовь. Я знаю, ты все запомнишь, и, когда-нибудь, я верю, расскажешь обо мне больше и правдивее всех остальных. Дитя, твое время – вечность!

Еще один мимолетный поцелуй (последний!) и меня с головой накрыла темнотой тяжелая, плотная простыня.

За дверью послышались торопливые шаги, к мастерской приближалось множество ног.

Мое сердце похолодело – это вестники разлуки, предчувствие не обмануло меня.

Стук отодвигающегося затвора – и к темноте прибавилась тишина. Обволакивающая, вязкая тишина. Я не видела их, не слышала, но ощущала – их много. Они стояли там, за простынею, замерев в ожидании.

Через секунду мой покров сдернула уверенная и недобрая рука. Со всех сторон меня ослепили яркие вспышки... В обрушившейся лавине возгласов и звуков я различала обрывки фраз:

– Невероятно...

– Божественно!

– Мастерство вернулось к гению!

Человеческая толпа все прибывала и прибывала. В какой-то миг множество рук схватили мое неизменное ложе. Непреодолимая сила водрузила меня на внезапно появившейся из воздуха помост с колесами. Мое тело еще ту же обернули простынями и брезентом. Стены и потолок мастерской дрогнули и стали отдаляться. Меня, перевязанную веревками, повезли прочь.

Я неистово призывала Афродиту, единственную богиню, которая могла сравниться с моим богом! Молила ее вдохнуть в меня жизнь, так же как в Галатею, из той самой истории со счастливым концом...

Я плакала невидимыми слезами и звала, но Афродита не являлась. Будучи частью скалы и свидетельницей рождения этого мира, я не знала любви и страстей. Но теперь многие тысячи прошедших лет слились в моей памяти лишь в краткий миг ожидания встречи с этим необыкновенным человеком.

Ветер, мой вековой друг, тут же поспешил навеять образы того далекого дня...

Берег моря, пустынная набережная, и лишь две фигурки едва различимы вдалеке. Высокий черноволосый юноша и хрупкая девушка рассматривают огромный валун у самой кромки воды. Хриплый голос молодого человека срывается на ветру, но я улавливаю и запоминаю каждое слово:

– Смотрите, мисс, я вижу сквозь толщу материй! Вот в этом куске превосходного *мрамора* спит девушка, и когда-нибудь я ее освобожу!

Его спутница переводит восхищенный взгляд с большого камня на своего друга и обратно. Я запомнила черты девушки – это было мое будущее лицо.

Теперь мастер стар, но я гораздо старше его.

Нас разлучили, но не лишили воспоминаний и снов.

Он исчезнет, а я останусь памятью о нем.

Любовь обрела форму.

И время ее – вечность!

Любовь Баринова Майя и Матисс

15 августа

Двери разъезжаются, и босые ноги Майи ступают на грязный ковролин. Нежные ступни чувствуют, как намокают, копошатся в синтетическом полотне миллионы микробов. Идти по нему все равно, что передвигаться по шевелящимся гусеницам. Турникет отражает растянутые джинсы Майи и застиранную футболку вроде тех, что жена насторожившегося охранника использует для мытья пола. Майя подносит карточку к турникету, и у охранника на мониторе отображается фотография ухоженной блондинки-толстухи средних лет. Сопровождающая надпись ему сообщает, что это каллиграф «Первой арт-студии „Феникс“» Ивушкина Майя Вениаминовна. Для верности охранник высовывает голову в окошко и сверлит взглядом Майю. Новенький. Иначе бы помнил прошлые разы.

Майя поднимается на третий этаж, еще раз прикладывает карточку, толкает матовую, будто окутанную плотным туманом дверь. Алина, секретарь, брюнетка двадцати четырех лет, уже открывает рот, чтобы дать отпор бродяжке, но тут признает Майю. «Привет, Майя», – говорит она озадаченно.

Майя проходит в туалет. Включает воду, набирает в ладони и жадно пьет. У воды привкус металла. Ничего, просто не привыкла еще. По очереди закидывает ноги в пахнущую хлоркой раковину. Гудящие ступни успокаиваются, когда холодная вода обрушивается на них. Выдавлив жидкого мыла из флакона, Майя тщательно отмывает грязь и пыль, потом вытирает ноги бумажными полотенцами. От нежного аромата зеленого яблока, который распространяет мыло, голодный желудок сжимается. Обычно завтрак Майи плотный и вкусный. Яичница, блинчики или каша. Кофе. Апельсин или банан. Она любит хорошо покушать.

Майя принимает за руки и лицо. Смотрит в зеркало: без крема и пудры кожа бледная, вялая, светло-серые глаза без туши и теней бесцветны и прозрачны. Волосы растрепались и

перепутались. Майя проводит по ним рукой. Вопросы, вопросы, опять придется отвечать на глупые вопросы. Точнее – не отвечать.

Когда Майя поворачивает винт крана, ослабляя напор воды, до нее доносится разговор: – Ну, пройдет, в прошлый раз же прошло.

Это Тёма, тридцатипятилетний дизайнер и три недели как собственник студии – получил-таки от старухи в наследство. Тёма все никак не войдет в роль руководителя, даже сидит на прежнем месте, хотя старухин кабинет ждет его не дождется.

– Нет, ну я все понимаю, – говорит Алина. – Решила похудеть. Понятно. То есть, конечно, не понятно, зачем столько жрать, а потом изводить себя. Но в принципе – понятно. А вот к чему босиком ходить? Грязь приносить? – Алина возмущена, она по сто раз на дню протирает стол, клавиатуру, изогнутые в странную геометрическую фигуру ручки на дверях. – Не краситься? Не причесываться? Пить сырую воду из-под крана? Не разговаривать? А?

– Не кипятись.

– А вдруг она на нас с ножом кинется?

– В прошлые разы...

– Ну, так то в прошлые разы, а в этот еще неизвестно, как все обернется.

Майя вытирает лицо и руки бумажным полотенцем, выключает воду. Разговор сразу прерывается.

Тёма уже опустил жалюзи. При слепящем августовском свете работать невозможно. Майя садится на рабочее место, включает настольную лампу. Руки, как малыши к маме, радостно тянутся к коробке с перьями. Остроконечные, ширококонечные. Майя проводит по их остриям пальцем. Открутив крышку с туши, глядит в черную воронку баночки, вдыхает резкий терпкий запах. Желудок возмущенно урчит. В первый день справиться с голодом тяжелее всего. Майя берет чистый лист и выводит остроконечным пером – *Матисс*. Прежде чем приступить к работе, необходимо хорошенько размяться. Рука должна выводить буквы легко и точно, двигаться уверенно и непрерывно, выстреливать сразу в десяточку. Теперь другим шрифтом: *Матисс*. Так зовут кота Майи. Ей кажется, что она слышит, как тот мяукает, жалуется в пустой квартире. Он тоже не получил сегодня завтрака, только напрасно мурлыкал и ходил кругами вокруг миски. Потерпи, Матисс. Еда лишает нас возможности почувствовать невидимые связи, которые соединяют в одну цепку все происходящее в этом мире. Чтобы ощутить, потрогать эти нити, нужно, по крайней мере, освободить желудок. А уж чтобы направить их куда требуется...

В конце разминки Майя выводит имя кота русской вязью. Майя – специалист по русской вязи. Заказы на эту услугу приходят редко. Последний заказ Майя выполняла полтора года назад. Это были рукописные календари в подарок немецкой компании. Сейчас в работе у Майи комплект исторических документов для сериала о войне 1812 года: военные донесения, счета, любовные письма. А из текучки – стопка свадебных приглашений, карточек для гостей в ресторане. Окунув перо в тушь, она приступает к военному донесению: «*Донесеніе князя Кутузова императору Александру І. Всемилостивѣйшій Государь!...*»

Тёма возвращается из закутка, служащего кухней, с нарочитым стуком ставит на стол чашку с горячим кофе. Их с Майей столы стоят рядом. Сегодня на Тёме рубашка в крупную сине-серую клетку. Тёма носит исключительно клетчатые рубашки. У него их уйма. Разных фасонов, расцветок, величины клеток. Теперь ему придется навсегда перейти на белые. Чтобы соответствовать новому статусу.

Умяв треугольный многослойный бутерброд, Тёма принимается за шоколад. Шелестит фольгой, бумагой, тщательно разламывает плитку. Тёма, как и Майя, любит покушать. Обычно они вдвоем то и дело перекусывают под неодобрительное фырканье Алины – у той на столе круглогодично стоит бутылка воды и зеленое яблоко – причем, похоже, что в роли натюрморта. Когда Майя работает, Тёма по-дружески кладет дольки шоколада или орешки ей в рот.

– Угощайся, – говорит он и в этот раз.

Майя отрицательно качает головой. Представь, говорит она себе, что это ненастоящая, инопланетная еда, которая никак к тебе не относится. Вроде как бензин или незамерзайка.

– У тебя все нормально, Май? – голубые глаза Тёмы глядят настороженно. – Может, чем-то помочь?

Цок, цок, цок – Алина тут как тут:

– Что у тебя случилось? Ты сама не своя.

Алина так взбудоражена, что забывает сделать привычный каскад действий: перво-наперво коснуться гладко зачесанных черных волос; затем стряхнуть невидимую пыль с груди, обтянутой сегодня лимонного цвета пиджаком, стряхнуть ту же враждебную пыль с лимонной юбки и только потом поднять на собеседника затейливо вырезанные темные глаза.

Майя отвечает жестом – дескать, не беспокойтесь, ребята, все нормально. Разумеется, это только их еще больше заводит. Ну что ж, значит, им тоже придется немного потерпеть.

«...донесъ Вашему Императорскому Величеству...»

Тёма кашляет:

– Вчерашний заказ, Май. Помнишь? Этикетка для десертного вина. Я кое-что набросал, не помотришь одним глазком?

Мая поднимает на него умоляющий взгляд.

– Понял, – обиженно говорит он.

Помимо воли, Майя прислушивается к звукам. Шум проезжающих по Спиридоновке машин. Скрип кресел. Расстроенное чавканье Тёмы. Его вздохи, почесывание русой бородки, стриженного затылка. Когда Тёма нервничает, он все время почесывается. Он привык обсуждать свои работы с Майей. Но сейчас Майе на *новое* нельзя тратить энергию. Это одно из правил. Дела можно только продолжать или завершать. По правде говоря, Теме, ставшему в одночасье весьма состоятельным человеком, и самому ни к чему этикетки десертных вин. *«...предлагалъ размѣну плънныхъ, въ которой ему отъ меня отказано...»* – выводит Майя.

В течение дня она встает лишь за тем, чтобы попить воды из-под крана.

Вечером, когда Майя идет домой пешком, ей кажется, что кишки внутри нее поскрипывают. Вечерний город благоухает едой. Хот-доги. Блины. Печеная картошка. Вареная кукуруза. Россыпи ягод в корзинках и коробках на фруктово-овощных развалах. Яблоки. Стоит только протянуть руку, и адова мука в животе закончится.

Поднимаясь по лестнице на седьмой этаж, Майя то и дело останавливается отдышаться. Год назад, кажется, такого сердцебиения не было. Руки после подъема по лестнице так дрожат, что с входной дверью приходится повозиться. Матисс мяучит от нетерпения, скребет когтями по двери с той стороны. Наконец ключ попадает в разъем.

Матисс радостно бросается к Майе, серый хвост трубой распушен, глаза сверкают. Майя поднимает кота и прижимает к себе, ласково гладит между ушками. Смежив глаза от удовольствия, кот довольно мурчит. По виду Матисс – чистый сибиряк, хотя матерью его была невзрачная дворовая кошка. Матисс обнюхивает Майю, трется головой о подбородок, грудь. Сквозь кожу Майя чувствует, как тело кота вибрирует от мурчания.

Она отпускает кота, идет на кухню, наливает стакан воды и выходит на балкон. Делает глоток. Вот и первый день прошел. Матисс садится рядом на еще теплые плиты и требовательно поглядывает на нее, постукивает в нетерпении хвостом.

– Мы справимся, верно, Матисс? В этот раз у нас с тобой все получится.

Опытным путем Майя уяснила некоторые правила. Перво-наперво – никакой еды. Одна и та же одежда на все дни. Ходить только босиком и пешком. Стараться не разговаривать. Минимум слов, если только уж очень сильно понадобится. Все предметы в квартире должны оставаться там и в том положении, где и как оказались, когда начался отсчет, ими можно пользоваться, но нельзя перемещать навсегда. Еще одно правило – правило равновесия: ничего не

должно исчезнуть из квартиры и у самой Майи, и ничего нового не должно появиться. И речь здесь не только о вещах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.